ЗАПИСКА

ПО

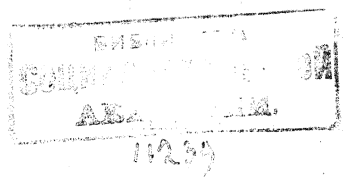
КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ

Предсѣдателя ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, Статсъ-Секретаря

С. Ю. ВИТТЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1904.

Пров 38



Государю Императору благоугодно было обратить особое Свое вниманіе на улучшеніе сельскаго быта, преподавъ рядъ руководящихъ началъ для пересмотра дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ. Свыше признанное значеніе этой задачи создаетъ долгъ чрезвычайной важности для учрежденій и лицъ, причастныхъ къ ея разрѣшенію, въ томъ числѣ и для Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, обязаннаго, во исполненіе Высочайше утвержденной общей программы его занятій (п.п. 30 и 31), войти въ обсужденіе тѣхъ препятствій успѣшному развитію сельскаго хозяйства, которыя заключаются въ условіяхъ крестьянскаго землепользованія и правопорядка.

Вліяніе этихъ условій на уровень земледѣльческаго промысла и вообще на экономическое положеніе нашей страны подробно разсмотрѣно мѣстными комитетами въ ихъ обширныхъ трудахъ, систематизированныхъ по настоящему вопросу въ двухъ сводахъ: «Крестьянскій Правопорядокъ» и «Крестьянское Землепользованіе», представленныхъ Г.г. Членамъ Особаго Совѣщанія.

По поводу этихъ трудовъ нельзя не отмѣтить прежде всего слѣдующаго весьма важнаго факта: хотя частная программа,

сообщенная мѣстнымъ комитетамъ, совершенно не касалась крестьянскаго вопроса, тѣмъ не менѣе комитеты, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ отвѣтить на общій вопросъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, вошли въ обсужденіе крестьянскаго дѣла по своему почину, признавъ, что преуспѣяніе сельскохозяйственной промышленности ближайшимъ образомъ зависитъ отъ такого улучшенія правового положенія нашего крестьянства, которое содѣйствовало бы развитію въ немъ духа хозяйственной предпріимчивости и самодѣятельности; внѣ этого, а также просвѣщенія крестьянской среды, всевозможныя мѣры въ области экономики и техники сельскаго хозяйства принесутъ, по мнѣнію комитетовъ, лишь ничтожную пользу, не оправдывающую значительныхъ затратъ, которыя потребуются съ этой цѣлью изъ народныхъ же средствъ.

Независимо такого единодушія въ признаніи крестьянскаго вопроса основнымъ въ ряду выдвинутыхъ современнымъ экономическимъ положеніемъ страны, мѣстные комитеты указали весьма опредѣленно тотъ путь, по которому должно идти разрѣшеніе этого вопроса. Казалось бы, при громадномъ числѣ мѣстныхъ комитетовъ, собранныхъ во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ центрахъ, при многочисленномъ и разнородномъ ихъ составѣ и при отсутствіи какихъ-либо руководящихъ указаній, обсужденіе столь сложнаго вопроса, какъ крестьянскій, должно было привести къ чрезвычайно дробной и противорѣчивой группировкѣ мнѣній, затрудняющей возможность какихъ-либо общихъ выводовъ. Въ такомъ именно видѣ представляются работы мѣстныхъ комитетовъ по нѣкоторымъ вопросамъ экономики сельскаго хозяйства; та же особенность въ значительной мѣрѣ присуща и трудамъ губернскихъ совѣщаній, запрошенныхъ въ 1894 году по пересмотру законодательства о крестьянахъ, хотя число этихъ совѣщаній, по сравненію съ числомъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ,

было весьма незначительно, и всѣ занятія велись по систематической программѣ, разосланной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ отличіе отъ такихъ особенностей, естественныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сложныя соціологическія явленія недостаточно еще разобраны и усвоены общественнымъ сознаніемъ, сужденія сельскохозяйственныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу имѣютъ то значеніе, что они группируются въ значительное относительное большинство по всѣмъ принципіальнымъ сторонамъ этого вопроса; большинство это является подавляющимъ не только въ отношеніи отдѣльныхъ группъ, на которыя разбиваются прочія мнѣнія, но, обыкновенно,—и въ отношеніи общей ихъ совокупности; поэтому оно могло бы быть признано абсолютнымъ, если бы не то обстоятельство, что многіе мѣстные комитеты совершенно не коснулись крестьянскаго дѣла, считая себя обязанными отвѣтить исключительно лишь на частные вопросы программы, которые были имъ предложены; нерѣдко, впрочемъ, подобное отношеніе комитетовъ обусловлено было убѣжденіемъ предсѣдателей о невозможности обсужденія тѣхъ нуждъ сельскохозяйственной промышленности, которыя прямо не указаны въ этихъ частныхъ вопросахъ.

Но и признавая это большинство только относительнымъ, нельзя не отнестись къ нему весьма серьезно. Едва ли не впервые крестьянскій вопросъ получаетъ столь широкое освѣщеніе съ точки зрѣнія мѣстныхъ людей, ближайшимъ образомъ ознакомленныхъ съ условіями сельскаго быта. Этотъ мѣстный опросъ не былъ ограниченъ губернскими центрами, но проникъ во всѣ уѣзды, причемъ въ послѣднихъ весьма многіе предсѣдатели комитетовъ отнеслись къ возложенной на нихъ задачѣ крайне серьезно и привлекли въ составъ комитетовъ причастныхъ къ сельскому хозяйству лицъ разныхъ классовъ и положеній, въ томъ числѣ и многочисленныхъ представителей крестьянства. Общее

число членовъ комитетовъ 49 губерній Европейской Россіи превысило, какъ извѣстно, 11.000. При подобныхъ условіяхъ едва ли сужденія сельскохозяйственныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу возможно отнести къ области абстрактныхъ умозаключеній, чуждыхъ живой дѣйствительности. И если въ этомъ многочисленномъ и разнородномъ составѣ совершенно естественнымъ путемъ, внѣ какого-либо объединительнаго воздѣйствія, мнѣнія соединяются и образуютъ большинство, рѣшительно подавляющее всѣ прочія группировки по тому же вопросу, то фактъ этотъ не можетъ быть оставленъ безъ вниманія и серьезной оцѣнки, при проектированіи соотвѣтственныхъ мѣропріятій.

Такимъ образомъ Особому Совѣщанію предстоитъ отвѣтственная задача высказаться по вопросу, остановившему на себѣ особое вниманіе Государя Императора и того многочисленнаго состава лицъ, принадлежащихъ къ служилой и земской Россіи, который былъ призванъ Монаршимъ довѣріемъ высказаться о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Столь исключительное значеніе разсматриваемаго вопроса дѣлаетъ его важнѣйшимъ въ ряду подлежащихъ обсужденію Особаго Совѣщанія, что и побуждаетъ меня представить на усмотрѣніе Г.г. Членовъ Совѣщанія тотъ взглядъ, который я усвоилъ себѣ на этотъ вопросъ и порядокъ его разрѣшенія, внимательно вникнувъ во всѣ подробности Высочайшихъ предуказаній и ознакомившись съ пожеланіями мѣстныхъ комитетовъ.

Относительно самаго значенія правовыхъ условій крестьянскаго быта въ области общеэкономической и въ частности сельскохозяйственной я уже излагалъ свои убѣжденія въ бытность Министромъ Финансовъ. Въ рядѣ представленій Комитету Министровъ въ 1898 году по вопросу объ образованіи особаго совѣщанія для разсмотрѣнія зако-

нодательства о сельскомъ состояніи и во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1899 годъ я высказывалъ, что причина, задерживающая упроченіе хозяйства нашихъ крестьянъ, кроется въ правовыхъ условіяхъ ихъ быта. Ее слѣдуетъ искать «въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающей многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ.... Когда не существуетъ прочнаго и яснаго законнаго порядка для разрѣшенія ежедневно возникающихъ насущныхъ вопросовъ въ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ, — трудно расчитывать на быстрый подъемъ благосостоянія народа.... Подобная неустойчивость и неопредѣленность обусловливается неполнотой законодательства о сельскихъ обывателяхъ, а главнымъ образомъ — недостаточнымъ его соотвѣтствіемъ потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ. Эти недостатки не могутъ быть устранены частичнымъ измѣненіемъ, а требуютъ разрѣшенія общихъ принципіальныхъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства».

Высказывая эти взгляды, я ссылался вмѣстѣ съ тѣмъ на сужденія Государственнаго Совѣта, отмѣтившаго необходимость пересмотра Положеній 19 Февраля 1861 года и признававшаго, что «задача эта настолько важна и широка, что для выполненія такого выдающагося труда необходимы и исключительныя силы, порученіе же его обычной министерской коммисіи не соотвѣтствовало бы цѣли: такая коммисія едва ли была бы въ состояніи справиться съ возложенной на нее задачей». Въ виду сего, по взгляду Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, «было бы всего цѣлесообразнѣе придержаться въ данномъ случаѣ

того пріема, который далъ столь блестящіе результаты при разработкѣ крестьянской реформы, а именно образовать, для выполненія упомянутаго труда, особую внѣвѣдомственную коммисію, съ привлеченіемъ въ нее мѣстныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ крестьянскимъ дѣломъ» (Журналъ Соед. Деп. 20, 24 и 28 Апрѣля 1893 г. по дѣлу о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ земель). Исходя изъ этихъ авторитетныхъ сужденій, я полагалъ, что принципы, которые лягутъ въ основу всей работы и которые, если бы они оказались непріемлемы, могутъ сдѣлать безполезнымъ сложный трудъ по разработкѣ ея деталей,—должны быть установлены въ подобной внѣвѣдомственной коммисіи изъ представителей заинтересованныхъ Министерствъ, что и обезпечило бы согласованіе ихъ взглядовъ, требуемое для каждой законодательной работы и особенно важное для настоящей, такъ какъ ею разрѣшается вопросъ исключительной государственной важности, ближайшимъ образомъ затрагивающій многія вѣдомства.

Въ современное положеніе разсматриваемаго вопроса внесено весьма существенное измѣненіе вслѣдствіе того, что проектированное Государственнымъ Совѣтомъ участіе въ этой работѣ мѣстныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ крестьянскимъ дѣломъ, осуществилось въ формѣ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, посвятившихъ крестьянскому дѣлу значительную часть своихъ трудовъ и указавшихъ съ полной опредѣленностью тѣ принципы, которые желательно поставить въ основу сельскаго правопорядка. При подобныхъ условіяхъ, для любой коммисіи, какъ внѣвѣдомственной, такъ и министерской, работа несомнѣнно облегчается: исходные ея пункты не требуютъ діалектическаго обоснованія, а могутъ быть прямо взяты изъ живой дѣйствительности.

Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ принципіальныхъ положеній, установленныхъ пожеланіемъ большин-

ства мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ и изложенныхъ въ приложеніи къ настоящей запискѣ *), я прежде всего обязываюсь обратить вниманіе, что—само собой разумѣется—они имѣютъ практическое значеніе для предстоящаго пересмотра законодательства о крестьянахъ лишь въ предѣлахъ строгаго соотвѣтствія Высочайше предуказаннымъ основаніямъ сего пересмотра. Въ виду первостепенной важности этого вопроса я счелъ необходимымъ выяснить его самымъ подробнымъ образомъ, дающимъ возможно точныя, — документальныя основанія для искомаго вывода.

Высочайшая Государя Императора воля требуетъ прежде всего, чтобы пересмотръ узаконеній о крестьянахъ «совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19 Февраля 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе» (Высочайшее Повелѣніе, объявленное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 14 Января 1902 г., и Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату 8 Января 1904 года). Такимъ образомъ необходимо выяснить, соотвѣтствуютъ ли принципіальныя пожеланія мѣстныхъ комитетовъ основнымъ началамъ того великаго историческаго акта, который устранилъ наиболѣе серьезныя правовыя отличія крестьянъ отъ прочихъ сословій, и можно ли признать, что развитіе названныхъ началъ понималось составителями этой законодательной работы въ томъ направленіи, которое нынѣ указано мѣстными комитетами.

Принципіальныя пожеланія послѣднихъ въ порядкѣ той постепенности, какъ они изложены въ приложеніи къ этой запискѣ, касаются прежде всего организаціи управленія и суда крестьянъ. Большинство мѣстныхъ комитетовъ на-

*) Отдѣльное приложеніе, озаглавленное: «Принципіальные вопросы по крестьянскому дѣлу съ отвѣтами мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ».

ходитъ, что изъ обширнаго круга дѣлъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію, необходимо оставить въ вѣдѣніи чисто сословныхъ крестьянскихъ органовъ исключительно лишь завѣдываніе землями, состоящими въ общинномъ или общемъ владѣніи; засимъ всѣ дѣла мѣстнаго благоустройства передать земству, дополнивъ его организацію въ смыслѣ приближенія къ населенію; дѣла административныя—той же низшей земской единицѣ или правительственнымъ органамъ общаго управленія; наконецъ, низшій судъ долженъ быть общій для всего населенія, основанный на выборномъ началѣ, въ видѣ ли мировыхъ судей или коллегіальнаго органа.

Несомнѣнно предположенія эти намѣчаютъ серьезное видоизмѣненіе существующей организаціи сельскаго управленія и суда. Однако, признавалась-ли она неизбѣжной и необходимой въ будущемъ составителями Положеній 19 Февраля 1861 г.? Оффиціальные историческіе матеріалы этого законодательнаго акта не оставляютъ никакихъ сомнѣній, что сословная организація была проектирована какъ временная, дабы ликвидировать крѣпостныя отношенія и рѣшительно устранить всякую личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Дѣятели освободительной реформы опасались пережитковъ «прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщиковъ», еслибы послѣднимъ предоставлено было участіе въ сельской администраціи и юстиціи. Опасенія эти поддерживались въ теченіе всего періода работъ Редакціонныхъ Коммисій настойчивыми домогательствами о предоставленіи помѣщикамъ вотчинной полиціи и юрисдикціи, и это обстоятельство, въ связи съ несовершенствами дореформеннаго общаго суда и управленія и отсутствіемъ въ то время земства, побудило составителей Положенія 19 Февраля 1861 г. расширить первоначально задуманную скромную компетенцію сельскаго общественнаго управленія, въ расчетѣ оградить этимъ

крестьянъ отъ ихъ бывшихъ властителей и отъ дореформенныхъ органовъ общаго управленія.

Знатокъ нашего государственнаго права А. Д. Градовскій указывалъ, что «все это при тогдашнихъ условіяхъ было очень понятно: массу только что освобожденнаго крестьянства нельзя было бросить безъ призора среди сильныхъ еще крѣпостническихъ стремленій и преданій и въ условіяхъ мѣстной администраціи, нетронутой еще какимъбы ни было преобразованіемъ. Составители крестьянскаго «Положенія» знали, что готовится проектъ земскихъ учрежденій, что предполагаютъ преобразовать судебную часть, но увѣренности въ томъ, что эти преобразованія осуществятся, они не имѣли. Они знали, что на мѣстахъ находится дворянство, еще живущее преданіями и инстинктами крѣпостного права, и хорошо были знакомы съ жалкимъ состояніемъ мѣстной администраціи. При такихъ условіяхъ, какъ могли осуществить они свое завѣтное и святое желаніе сберечь мужика, только-что освобожденнаго отъ вѣкового рабства. Нужно было отодвинуть отъ него тлетворную руку мѣстнаго «приказнаго» и своекорыстную руку бывшаго господина. Стало быть, нужно было дать ему свою административно-судебную единицу, т. е. волость, которая, по смыслу Положенія 19 Февраля была устроена на гораздо болѣе широкихъ началахъ самоуправленія, чѣмъ прежняя волость крестьянъ «государственныхъ» (Собр. соч. А. Д. Градовскаго т. VIII стр. 568, 569).

И дѣйствительно, для каждаго непредубѣжденнаго читателя историческихъ матеріаловъ, относящихся къ Положенію 19 Февраля 1861 г., совершенно ясно, что сословное устройство сельскаго управленія и суда явилось какъ мѣра, вынужденная условіями времени. Въ средѣ лицъ, призванныхъ къ разработкѣ законопроекта объ освобожденіи крестьянъ, неуклонно держалось убѣжденіе о подчиненіи кре-

стьянъ наравнѣ съ другими свободными сословіями общимъ органамъ управленія и суда, что и выразилось въ соотвѣтственной статьѣ Положенія 19 Февраля 1861 г. (ст. 19 Общ. Пол.*)); сословное же управленіе было проектировано первоначально въ самыхъ узкихъ рамкахъ и ограничивалось организаціей сельскаго общества, составъ коего опредѣлялся въ 50 семействъ. Редакціонныя Коммисіи отвергали при этомъ необходимость Волостного Управленія и Суда, признавая то и другое «не только излишнимъ, но и вреднымъ» по слѣдующимъ соображеніямъ:

«1) Въ порядкѣ собственно полицейскаго управленія, всѣ распоряженія Правительства могутъ замедлиться, переходя чрезъ Волостное Управленіе, какъ чрезъ посредствующую инстанцію между Становыми Приставами и сельско-общественнымъ управленіемъ. Волостное Правленіе не представитъ собою какого-либо особаго обезпеченія въ томъ, чтобы наблюденіе съ его стороны, въ полицейскомъ отношеніи, за сельско-общественнымъ управленіемъ могло имѣть послѣдствіемъ лучшее охраненіе тишины и порядка въ обществахъ и болѣе исправное отправленіе крестьянскихъ податей и повинностей».

«2) Въ порядкѣ судебномъ, предположенное уже учрежденіе Мировыхъ Судей устранитъ совершенно надобность въ особомъ Волостномъ Судѣ и обезпечитъ крестьянамъ болѣе скорое и правильное разбирательство въ случаяхъ, превышающихъ власть сельскаго управленія».

«3) Въ порядкѣ общественнаго хозяйства и призрѣнія, централизація дѣлъ сельскихъ обществъ въ Волостныхъ Правленіяхъ, не оправдываясь никакою административною надобностію, лишила бы только сельскія общества надлежащей самостоятельности по предметамъ частныхъ интересовъ».

---

*) Текстъ статей закона, цитируемыхъ настоящей запиской, приведенъ въ концѣ ея.

«4) Наконецъ, нельзя не принять въ соображеніе, что учрежденіе волостей, усложняя во всѣхъ отношеніяхъ управленіе крестьянъ, увеличило-бы значительно и расходы на содержаніе управленія и тѣмъ самымъ могло бы затруднить предстоящія крестьянамъ перемѣны въ поземельныхъ ихъ отношеніяхъ, т. е. переходъ съ барщины на денежный оброкъ и выкупъ поземельнаго ихъ надѣла въ собственность» (Мат. Ред. Ком. 2 изд., т. II кн. 2, стр. 17, 18).

Разсуждая засимъ о размѣрѣ сельскаго общества, Редакціонныя Коммисіи оставляютъ первоначальное предположеніе объ опредѣленіи его численной нормой и выставляютъ принципъ территоріальный, а именно приходъ, полагая, что «раздѣленіе на приходы можетъ оказаться крайне полезнымъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, при неминуемомъ со временемъ сліяніи воедино всѣхъ сельскихъ сословій, представляя готовую такъ сказать рамку, въ которую легко, удобно и охотно уложатся всѣ новые элементы» (Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. II кн. 2, стр. 32, 33).

Въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ составители положенія 19 Февраля 1861 года были вынуждены значительно расширить первоначальныя рамки сословнаго управленія, но, дѣлая эту уступку требованіямъ времени, они отнюдь не упускали изъ виду возможности всесословной организаціи. Напротивъ того, соотвѣтственныя предположенія настойчиво проводились и въ конечномъ періодѣ занятій Редакціонныхъ Коммисій, и послѣднія соглашались съ ними принципіально, но указывали, что осуществленіе подобной организаціи связано съ кореннымъ преобразованіемъ общихъ учрежденій управленія и суда, къ чему не уполномочены Редакціонныя Коммисіи.

Съ полной опредѣленностью это видно изъ нижеслѣдующаго доклада Административнаго Отдѣленія Редакціонныхъ Коммисій по отзывамъ членовъ Губернскихъ Комитетовъ.

«Большинство Гг. Членовъ перваго приглашенія, подвергая подробному разсмотрѣнію недостатки настоящей системы администраціи, находитъ, что они заключаются въ мелочной правительственной опекѣ надъ всею жизнію народа, въ соединеніи всего управленія въ рукахъ одной безотвѣтственной исполнительной власти и въ совершенномъ отсутствіи самостоятельной судебной власти. По симъ кореннымъ недостаткамъ, вся администрація наша, говорятъ они, представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, которыя могутъ быть устранены только радикальною реформою управленія. Въ основаніе сей реформы должны быть, по мнѣнію всѣхъ Гг. Членовъ Губернскихъ Комитетовъ, поставлены: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской и самоуправленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи. Такъ какъ, притомъ, съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости, нѣтъ никакой разумной причины удерживать разъединеніе сельскихъ обывателей подчиненіемъ ихъ различнымъ вѣдомствамъ, и такъ какъ интересы дворянства находятся въ неразрывной связи съ интересами другихъ сельскихъ обывателей, то хозяйственно-распорядительное управленіе должно быть общее, выборное для всѣхъ сословій. На сихъ главныхъ началахъ должно быть немедленно организовано новое управленіе, иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ. Вслѣдствіе сего, признавая безусловную невозможность оставленія нынѣ власти надъ сельскимъ обществомъ за помѣщиками, тѣ же Г.г. Члены признаютъ необходимымъ дать дворянству право участія въ мѣстномъ управленіи, для сохраненія за нимъ нравственнаго и помѣстнаго значенія».

«А 36 Членовъ Губернскихъ Комитетовъ второго при-

глашенія (въ томъ числѣ 9 Членовъ отъ Западныхъ губерній) замѣчаютъ, что если одна категорія постановленій Административнаго Отдѣленія, въ которыхъ излагается въ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей, будущее устройство сельскаго управленія, представляетъ много неопредѣленнаго, то совершенно обратное замѣчается въ другой категоріи постановленій того же Отдѣленія, въ которыхъ отчетливо и послѣдовательно развивается мысль: «устроить мѣстное самоуправленіе исключительно на общинномъ началѣ, устраняя отъ всякаго участія въ дѣлахъ консервативный элементъ личной собственности». Сюда относится: 1) устройство хозяйственной общины во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, даже и тамъ, гдѣ существуетъ участковая система пользованія; 2) предоставленіе однимъ только членамъ хозяйственной общины права участія въ сходахъ и выборѣ должностныхъ лицъ; 3) присвоеніе этимъ лицамъ и депутатамъ отъ домохозяевъ общины всей полноты административной и хозяйственно-распорядительной власти, съ устраненіемъ всѣхъ личныхъ собственниковъ, и въ томъ числѣ и помѣщиковъ, отъ участія въ дѣлахъ, касающихся общества; 4) обширное письмоводство, требующее, за безграмотствомъ, безпрестаннаго надзора со стороны чиновниковъ; 5) огромная судебная власть, предоставленная домохозяевамъ, призываемымъ, по очереди, для засѣданія въ Волостномъ Судѣ; 6) дозволеніе крестьянскому сходу нарушать, по своему усмотрѣнію, права состоянія каждаго изъ членовъ общества, безъ всякаго судебнаго разбирательства; 7) трудность избавиться отъ произвола и воспользоваться правомъ выхода при существованіи личной круговой поруки въ податяхъ и повинностяхъ».

«Простой перечень этихъ постановленій уже не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, какимъ образомъ Административное Отдѣленіе понимаетъ будущее устройство сельскаго народонаселенія. Но что же выиграетъ крестья-

нинъ, промѣнявъ прежнюю крѣпостную зависимость отъ помѣщика на такую же, если не болѣе тяжелую, зависимость отъ своего общества. Какое улучшеніе послѣдуетъ въ его домашнемъ быту при подчиненіи его исключительному произволу старшины или старосты, отъ самоуправства которыхъ онъ въ прежнее время искалъ и находилъ защиту у помѣщика. Наконецъ, сколько потеряетъ онъ, лишившись безвозмезднаго разбирательства и суда помѣщика, въ замѣну коего ему предлагаютъ безграмотный судъ очередныхъ домохозяевъ чужой деревни, которымъ предоставлено вершать, безъ аппеляціи, гражданскіе иски до 300 руб. сер., т. е. большею частію на все достояніе крестьянина. Трудно предположить, чтобы въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ его участь, крестьянинъ могъ всегда расчитывать на благодѣтельное вмѣшательство лица или учрежденія, которому дана будетъ власть смѣнять сельскихъ начальниковъ, обличаемыхъ въ злонамѣренности. Главный вопросъ будетъ для него состоять въ томъ: захочетъ ли это лицо или учрежденіе вступаться за него, и не нужны ли будутъ для этого особыя побудительныя средства, такъ часто употребляемыя въ прочихъ вѣдомствахъ».

«Изъ сказаннаго видно, что предлагаемая Отдѣленіемъ система не ограждаетъ ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ крестьянина, оставляя его, вопреки общему ожиданію, подъ тяжестью двойной крѣпостной зависимости». (Мат. Ред. Ком. т. XII, Адм. Отд. стр. 2—5).

Исходя изъ такихъ соображеній, Члены Губернскихъ Комитетовъ второго приглашенія развиваютъ мысль о необходимости поручить помѣщикамъ вотчинную полицію и юрисдикцію.

Рѣшительно возставая противъ этихъ послѣднихъ пожеланій и противупоставляя имъ въ подробной мотивировкѣ убѣжденный взглядъ свой, что «свободныя сословія должны

пользоваться полной другъ отъ друга независимостью и нельзя отдать одно новоосвобожденное сословіе подъ начальство другого»,—Адм. Отд. Ред. Ком. совершенно иначе относится къ проектированному Членами перваго приглашенія принципу всесословности сельскаго управленія и говоритъ слѣдующее:

«Обращаясь къ главнымъ основаніямъ мнѣній названныхъ Членовъ, Отдѣленіе находитъ, что выраженная ими мысль о несообразности сохраненія за помѣщикомъ начальнической власти надъ сельскимъ обществомъ съ существомъ и цѣлью предпринимаемой реформы, вполнѣ согласуется съ принятыми Редакціонными Коммисіями заключеніями. Что же касается самыхъ основаній указываемыхъ Г.г. Членами 1-го приглашенія преобразованій мѣстной администраціи, то Отдѣленіе не считаетъ себя въ правѣ подвергать ихъ разсмотрѣнію, такъ какъ предметъ сей выходитъ изъ Высочайше опредѣленнаго круга дѣятельности Редакціонныхъ Коммисій, и сверхъ того, извѣстно, что Правительствомъ уже учреждена особая Коммисія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, которая занимается составленіемъ проекта преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій». (Мат. Ред. Ком. т. XII, Ад. Отд., стр. 11, 12).

Все вышеизложенное имѣетъ въ виду какъ управленіе, такъ и судъ, ибо принципіальный вопросъ о сословной организаціи ихъ не раздѣлялся.

Но и спеціально въ отношеніи Волостного Суда труды Редакціонныхъ Коммисій содержатъ совершенно опредѣленныя указанія о желательной въ будущемъ замѣнѣ этого суда общими органами судопроизводства. Признавая неудобнымъ поручать волостной юстиціи разборъ тяжбъ между крестьянами и ихъ волостнымъ начальствомъ, а также дѣла по требованіямъ отдѣльныхъ крестьянъ о выдѣлѣ изъ общиннаго владѣнія принадлежащей имъ части, Редакціонныя Коммисіи проектируютъ особый судъ изъ крестьянъ, уча-

ствующихъ въ немъ по извѣстной, заранѣе опредѣленной очереди, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи. Полагая, что такому суду могло бы быть поручено разсмотрѣніе и нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ, кромѣ названныхъ выше, Редакціонныя Коммисіи указываютъ, что «въ дальнѣйшемъ развитіи учрежденіе это могло бы послужить исходной точкой для нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ постепенныхъ улучшеній въ системѣ нашего судопроизводства». (Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. II кн. 2, стр. 258, 259).

При обсужденіи вопроса о сословной организаціи сельскаго управленія и суда въ высшихъ инстанціяхъ, а именно въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу и въ Государственномъ Совѣтѣ, точно также отмѣчалась временность этой организаціи и неизбѣжный переходъ ея во всесословную. Въ Главномъ Комитетѣ указывалось «на необходимость имѣть въ виду, что со временемъ всѣ сельскія сословія должны слиться въ одно, почему, при устройствѣ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, надобно образовывать общественныя единицы на основаніяхъ неизмѣнныхъ и истинныхъ, каковы: совмѣстность жительства, одинаковость хозяйственныхъ условій и топографическія удобства, и притомъ такія единицы, которыхъ не пришлось бы переламывать впослѣдствіи» (Общій журналъ Гл. Ком. по разсмотрѣнію проектовъ Ред. Ком. стр. 74).

Засимъ, три члена Главнаго Комитета изъ общаго состава девяти проектировали всесословное управленіе волостью, мотивируя это предположеніе слѣдующимъ образомъ:

«Необходимо признаніе начала территоріальнаго единства; нужна ближайшая общая связь между разносословными представителями поземельныхъ и общественныхъ интересовъ, сосредоточенныхъ на извѣстномъ пространствѣ земли; наконецъ, необходима нѣкоторая степень граждан-

ской образованности, для исполненія обязанностей, сопряженныхъ съ соблюденіемъ этихъ интересовъ. Между тѣмъ, предположенное Редакціонными Коммисіями устройство волостей далеко не удовлетворяетъ ни одному изъ сихъ трехъ условій. Къ составу одной и той же волости будутъ принадлежать, въ большей части случаевъ, нѣсколько имѣній. Каждое изъ этихъ имѣній, въ свою очередь, будетъ заключать въ себѣ не только различныя юридическія личности помѣщика, крестьянъ и другихъ сельскихъ обывателей, но и разныя доли поземельнаго владѣнія, между которыми законъ установляетъ существенныя различія. Рядомъ съ помѣщичьими землями будутъ земли, состоящія въ пользованіи сельскаго общества. Рядомъ съ тѣми и другими могутъ встрѣчаться участки крестьянъ-собственниковъ, или земли, пріобрѣтенныя въ собственность лицами другихъ сословій. При постепенномъ установленіи и дальнѣйшемъ развитіи этихъ новыхъ условій поземельнаго быта, должны возникнуть интересы и обязанности, болѣе или менѣе общіе всѣмъ землевладѣльцамъ и всѣмъ долямъ поземельнаго владѣнія, какъ въ отношеніи къ общественному порядку и благоустройству, такъ и въ отношеніи къ отправленію земскихъ повинностей, къ попеченію о народномъ здравіи, къ учрежденію и содержанію училищъ, къ устройству благотворительныхъ заведеній и вообще къ предпріятіямъ, основаннымъ на добровольномъ соглашеніи участвующихъ въ нихъ лицъ. По всѣмъ дѣламъ этого рода понятіе о территоріальномъ единствѣ волости неизбѣжно сохранитъ, на практикѣ, немаловажное значеніе. Между тѣмъ, на основаніи проектовъ Общаго Положенія и Положенія о мѣстныхъ учрежденіяхъ, это единство имѣетъ одного только представителя, въ лицѣ волостного старшины, которому нисколько не подвѣдомственны ни землевладѣльцы, не принадлежащіе къ крестьянскому сословію, ни лица, проживающія въ помѣщичьихъ усадьбахъ, ни

всѣ тѣ земли, которыя не состоятъ въ пользованіи крестьянъ или въ ихъ полномъ владѣніи по праву собственности. Этимъ объясняется, что въ проектѣ Общаго Положенія кругъ вѣдомства волостного старшины преимущественно опредѣляется обозначеніемъ лицъ и предметовъ, но въ отношеніе къ пространству, на которомъ они сосредоточиваются, проектъ ограничивается указаніемъ на различія, установляемыя между помѣщичьими и крестьянскими землями. Принимая въ соображеніе обширность уѣздовъ, ограниченность средствъ земской полиціи и коренные недостатки ея устройства, нельзя, повидимому, надѣяться, что она замѣнитъ собою отсутствующую ближайшую связь между принадлежащими къ составу волости различными имѣніями, сельскими обществами и владѣльцами отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Нельзя ожидать того же отъ Мировыхъ Посредниковъ, которые, по всей вѣроятности, будутъ обременены другими дѣлами и которые, по самому свойству возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, преимущественно призваны къ разбирательству частныхъ споровъ и поземельныхъ отношеній между помѣщиками и водворенными на ихъ земляхъ крестьянами. Наконецъ, въ лицѣ волостного старшины едва ли могутъ быть соединены всѣ условія, необходимыя для завѣдыванія дѣлами, требующими нѣкоторой образованности или особыхъ знаній, напримѣръ: по надзору за училищами, или по части устройства путей сообщенія и въ особенности въ общихъ, предоставляемыхъ ему по волости, распоряженіяхъ» (Общ. Журналъ Гл. Ком. стр. 89—91).

Для устраненія этихъ неудобствъ члены Главнаго Комитета, высказывавшіе приведенное мнѣніе, проектировали должность Волостеля или Волостного Попечителя, въ лицѣ котораго объединялось бы административное и земское дѣло всей волости, независимо отъ сословныхъ отличій ея населенія. Волость опредѣлялась исключительно террито-

ріальнымъ признакомъ, и въ ея составъ включались какъ сельскія общества, такъ и «помѣщики и прочіе въ предѣлахъ ея поземельные собственники». Подобно тому, какъ обязанности волостеля проектировались на началѣ всесословномъ, такъ и замѣщеніе должности намѣчалось въ порядкѣ выборномъ «изъ числа жительствующихъ въ предѣлахъ волости вотчинныхъ землевладѣльцевъ или другихъ поземельныхъ собственниковъ, безъ различія состояній» (Общ. журн. Гл. Ком. стр.стр. 91—94).

Соображенія эти были поддержаны въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 15-ю его Членами, а большинство въ составѣ 30 Членовъ находило: «что по составленному въ Главномъ Комитетѣ проекту Общаго Положенія о крестьянахъ, составъ волостей ограничивается только одними крестьянами, освобожденными изъ крѣпостной зависимости. Въ составъ волостей не входятъ ни сами помѣщики, ни земли остающіяся въ непосредственномъ ихъ распоряженіи, ни лица постороннія, къ сословію крестьянъ помѣщичьихъ непринадлежащія; а потому помѣщики не будутъ и не могутъ находиться ни въ какомъ подчиненіи Волостного Управленія. Если же, въ видахъ соблюденія территоріальнаго единства, включить въ составъ волостей всѣ помѣщичьи земли, и вслѣдствіе того подчинить самихъ помѣщиковъ волостнымъ попечителямъ, то такая зависимость будетъ для дворянства и тягостнымъ, и непріятнымъ нововведеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе возбудитъ между помѣщиками и ропотъ, и жалобы, и неудовольствія. Когда установятся новыя отношенія между владѣльцами и поселянами, когда сіи послѣдніе ознакомятся ближе съ потребностями и всѣми условіями новой жизни, когда наконецъ уничтожатся отдѣльныя вѣдомства, препятствующія нынѣ образованію единообразнаго управленія въ государствѣ, тогда удобнѣе будетъ приступить къ окончательному устройству волостей, со-

образно мѣстнымъ и общимъ потребностямъ. Принимаемыя нынѣ мѣры не предрѣшаютъ ничего...».

Къ именному списку лицъ, высказавшихъ это мнѣніе, Императоръ Александръ II Собственноручно приписалъ: «и Я» (Архивъ Госуд. Сов., дѣло Секр. и Гл. Ком. по кр. дѣлу № 7, представленная Его Величеству меморія Общ. Собр. Гос. Сов. 28 Янв. 1861).

Слѣдовательно, сословная организація сельскаго управленія и суда была допущена составителями Положенія 19 Февраля 1861 г. какъ мѣра, неизбѣжная по условіямъ того времени: съ одной стороны, она обезпечивала полнѣйшее прекращеніе личной зависимости крестьянъ и болѣе успѣшную охрану дарованныхъ имъ правъ, чѣмъ та, которую могли дать дореформенные органы управленія и суда; съ другой стороны, объединеніе господъ и ихъ недавнихъ крѣпостныхъ не отвѣчало естественнымъ въ то время взглядамъ многихъ представителей помѣщичьей среды.

Однакожъ, неизмѣнное сохраненіе сословной обособленности сельскаго суда и управленія, а тѣмъ болѣе ея расширеніе, не только не допускались составителями Положенія, но они прямо указывали, что организація эта должна быть замѣнена «единообразнымъ управленіемъ».

Такимъ образомъ пожеланія мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ Комитетовъ объ устройствѣ единообразнаго для всѣхъ сословій низшаго суда и управленія въ точности отвѣчаютъ принципамъ освободительной реформы 1861 г., представляя собою развитіе ихъ въ томъ именно направленіи, которое было предусмотрѣно Державнымъ Законодателемъ и которое постоянно намѣчалось въ подготовительныхъ къ этому закону работахъ.

Слѣдующее принципіальное пожеланіе большинства мѣстныхъ Комитетовъ заключается въ томъ, что частно-

правовыя отношенія крестьянъ должны быть нормированы обще-гражданскимъ закономъ.

Относящіяся къ этому вопросу начала Положеній 19 Февраля 1861 года достаточно ясны изъ самаго текста закона (ст. 21—38 перваго изданія Общаго Положенія *) и не оставляютъ тѣни сомнѣнія, если обратиться къ историческимъ источникамъ соотвѣтствующихъ статей. Изъ нихъ явствуетъ слѣдующее.

Редакціонныя Коммисіи, приступая въ первомъ періодѣ своихъ занятій къ опредѣленію личныхъ и имущественныхъ правъ, которыя должно получить освобождаемое изъ крѣпостной зависимости населеніе, приняли прежде всего къ руководству Высочайшее повелѣніе 4 Декабря 1858 г., разрѣшавшее этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что «при обнародованіи новаго Положенія крестьянамъ предоставляются права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы». Такъ какъ частно-правовыя отношенія свободныхъ сельскихъ обывателей нормировались обще-гражданскими законами, то Редакціонныя Коммисіи, перечисляя права семейственныя, вещныя и обязательственныя, подробно цитируютъ соотвѣтствующія статьи первой части X тома Св. Зак., подлежащія распространенію на крестьянъ (Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. II кн. I, стр.стр. 28—87). Характерно, что при этомъ Ред. Ком. останавливаются на единственномъ изъятіи изъ обще-гражданскихъ правъ, установленномъ для одного разряда свободныхъ сельскихъ обывателей (крестьянъ государственныхъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, у коихъ право распоряженія земельной собственностью было ограничено условіемъ нераздробленія ея на участки менѣе 8 десятинъ), и не находятъ основанія къ допущенію соотвѣтственнаго отклоненія отъ обще-гражданскихъ основа-

*) Статьи закона, цитируемыя запиской, приведены въ концѣ ея.

ній для освобождаемыхъ крестьянъ (тамъ же, стр. 55). Исключеніе изъ столь строго проводимаго принципа признается желательнымъ, по мнѣнію Ред. Ком., лишь въ области наслѣдственнаго права и въ семейственномъ—въ отдѣлѣ объ опекахъ, однако же и здѣсь общій законъ не устраняется, а вводится только дополнительный источникъ права: «крестьянамъ дозволяется руководствоваться своими обычаями».

«Нельзя не принять во вниманіе, разсуждаютъ Редакціонныя Коммисіи, что обычаи не имѣютъ обязательной силы закона, а потому крестьяне могутъ ими руководствоваться по доброй волѣ, а не по принужденію, и что только тѣ обычаи могутъ быть терпимы въ государствѣ, которые не противорѣчатъ понятіямъ справедливости, нравственности и не нарушаютъ общественнаго порядка» (Мат. Ред. Ком. ч. XII, Юр. От., стр. 24).

Предположенія Редакціонныхъ Коммисій о распространеніи на крестьянъ обще-гражданскихъ правъ оставались неизмѣнными въ теченіе всѣхъ періодовъ ихъ занятій, что и не могло быть иначе, ибо того требовало приведенное выше Высочайшее повелѣніе 4 Декабря 1858 года. Произошла, однако, слѣдующая перемѣна формальнаго характера. «Сорокъ три Члена Комитетовъ второго приглашенія находили, что освобождаемые крестьяне должны подчиниться общимъ законамъ, которыхъ нѣтъ надобности подробно исчислять въ Положеніи о крестьянахъ; необходимо только упомянуть о тѣхъ исключеніяхъ, которыя нужны по особенностямъ быта крестьянъ». Юридическое Отдѣленіе Редакціонныхъ Коммисій согласилось, что такое перечисленіе «послужило бы къ безполезному усложненію Положенія, повтореніемъ въ ономъ множества статей изъ томовъ IX и X Свода Законовъ, и признавало вполнѣ достаточнымъ, изложивъ кратко тѣ главныя права лицъ свободныхъ податныхъ сословій, которыя предоставляются

крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, подробно исчислить въ Положеніи только тѣ постановленія, которыми установлены будутъ особыя изъятія изъ общихъ законовъ въ отношеніи сихъ крестьянъ, доколѣ они будутъ оставаться въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ» (Мат. Ред. Ком. ч. XII, Юр. Отд., стр. 7, 8).

Соотвѣтственно сему статьи Положенія 19 Февраля 1861 года, касающіяся личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ составлены были безъ ссылокъ на т. IX и первую часть X, а съ указаніемъ о распространеніи на крестьянъ «общихъ постановленій», «общихъ законовъ», «существующихъ постановленій», «общихъ узаконеній, установленныхъ для свободныхъ сельскихъ обывателей» (ст. ст. 21—38 Общаго Положенія, перваго изданія).

Въ высшихъ установленіяхъ (Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу и Общ. Собр. Госуд. Совѣта) вопросъ о предоставленіи крестьянамъ обще-гражданскихъ правъ не встрѣтилъ возраженій, и въ первомъ же засѣданіи Главнаго Комитета по разсмотрѣнію работъ Редакціонныхъ Коммисій было постановлено, «что главная цѣль, которую Комитетъ долженъ постоянно имѣть въ виду при разсмотрѣніи всѣхъ работъ Редакціонныхъ Коммисій, это—дарованіе прежде всего помѣщичьимъ крестьянамъ правъ свободнаго состоянія». На всеподданнѣйшей докладной запискѣ по этому предмету Государь Императоръ Александръ II собственноручно начерталъ: «Дай Богъ въ добрый часъ» (Архивъ Госуд. Сов., дѣло Главн. Ком. № 42, всеподданнѣйшая докладная записка Госуд. Секр. отъ 10 Октября 1860 года).

Равнымъ образомъ, въ послѣдовавшемъ Высочайшемъ Манифестѣ, при коемъ обнародованы Положенія 19 Февраля, указано: «Въ силу означенныхъ новыхъ Положеній,

крѣпостные люди получатъ въ свое время *) полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей».

Хотя такимъ образомъ въ Положеніи 19 Февраля 1861 года и нѣтъ текстуальнаго указанія на распространеніе на крестьянъ первой части X тома, однако же редакція соотвѣтственныхъ статей, ссылающихся на «общіе законы», «узаконенія, установленные для свободныхъ сельскихъ обывателей» и т. д., настолько ясна, что въ литературѣ встрѣчались указанія, что всѣ частно-правовыя отношенія крестьянъ должны нормироваться обще-гражданскими законами, въ силу распространенія ихъ на крестьянъ Положеніемъ 1861 года.

Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить прямо противоположный взглядъ, гораздо чаще высказываемый въ той же литературѣ, что единственнымъ источникомъ права для Волостного Суда является обычай, и что обще-гражданскіе принципы личнаго права собственности, порядка наслѣдованія, завѣщанія, выдѣла, возмезднаго отчужденія и т. д. непримѣнимы къ надѣльному имуществу крестьянъ? Чѣмъ обусловлено представленіе, что примѣненіе къ крестьянскому быту обще-гражданскихъ законовъ является какимъ то необычайнымъ новшествомъ, тогда какъ въ дѣйствительности первая часть X тома распространена на крестьянъ съ 1861 года, какъ о томъ категорически свидѣтельствуетъ какъ сама редакція соотвѣтственныхъ статей Общаго Положенія 19 Февраля, такъ и оффиціальные историческіе ихъ источники.

Объясняется это двумя причинами. Прежде всего, наряду съ цитированными уже статьями 21 по 38 Общ. Полож. (перваго изданія), указывающими, что матеріальнымъ правомъ крестьянъ является обще-гражданскій за-

*) Съ окончаніемъ временно-обязаннаго состоянія.

конъ, имѣется указаніе, относящееся къ процессуальному гражданскому праву въ ст. 107 того же Положенія, гласящее: «Если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшитъ дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту». Именно въ развитіе этой статьи и послѣдовалъ цѣлый рядъ толкованій и разъясненій, утверждающихъ, что Волостной Судъ вправѣ руководствоваться только обычаемъ, въ результатѣ чего учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ стали систематически отмѣнять рѣшенія волостныхъ судовъ, разъ въ нихъ сдѣлана ссылка на I часть X тома (фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ литература вопроса).

Въ сущности, при такъ называемомъ логическомъ толкованіи этого закона слѣдовало бы сдѣлать совершенно иной выводъ: предѣлы дѣйствія обычая устанавливаются матеріальнымъ гражданскимъ правомъ, слѣдовательно, примѣненіе обычая, допущенное приведенной статьей процессуальнаго права, не можетъ переступать тѣхъ предѣловъ, которые указаны въ статьяхъ 21—38 Общ. Положенія, опредѣляющихъ матеріальное право крестьянъ; слѣдовательно, обычай можетъ быть примѣняемъ Волостнымъ Судомъ только въ дѣлахъ по наслѣдованію и по опекѣ малолѣтнихъ.

Однако историческое толкованіе, опровергая оба эти взгляда, даетъ совершенно ясное представленіе о волѣ Законодателя. Вопросъ о примѣненіи обычая Волостными Судами обсуждался въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ прежде всего въ тѣхъ именно предѣлахъ, въ которыхъ онъ проектировался какъ источникъ матеріальнаго права, т. е. въ

дѣлахъ по наслѣдованію *). При этомъ Редакціонныя Коммисіи говорятъ о желательности «дозволить», «допустить», «предоставить право» рѣшенія этихъ дѣлъ по обычаю и вмѣстѣ съ тѣмъ предусматриваютъ необходимость ограничить такое право Волостныхъ Судовъ извѣстной цѣнностью имущества, ибо примѣненіе обычая, какъ весьма несовершеннаго источника права, ко всѣмъ наслѣдственнымъ дѣламъ могло бы повести къ серьезнымъ нарушеніямъ имущественныхъ интересовъ крестьянъ. «Предположеніе это— говоритъ Юрид. Отд. Ред. Ком. — относится къ порядку разбора споровъ о наслѣдствѣ. Этотъ порядокъ, если будетъ одобренъ, слѣдовало бы примѣнить ко всѣмъ вообще спорамъ крестьянъ по имуществамъ».

Редакціонныя Коммисіи, проектируя первоначально Волостной Судъ въ видѣ суда присяжныхъ съ постоянно смѣняющимся составомъ, «не носящимъ характера сельскихъ чиновниковъ и находящимся въ непосредственной связи съ крестьянскимъ обществомъ», и увлекаясь «близостью такого суда къ другимъ совершеннѣйшимъ формамъ судопроизводства, независимостью отъ внѣшнихъ и административныхъ вліяній, механической его простотой, искренностью и правдивостью», не затруднились предоставить ему право рѣшать по обычаю не только наслѣдственныя, но и прочія дѣла цѣною иска до 300 руб. (Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. II кн. 1, стр. 58 — 62; т. II кн. 2, стр. 250—255).

Такимъ образомъ, рѣшеніе Редакціонныхъ Коммисій допустить въ дѣлахъ меньшей цѣнности болѣе широкое примѣненіе обычая, чѣмъ это установлено матеріальнымъ правомъ, обусловлено было вѣрой въ правдивость и независимость Волостного Суда, проектированнаго первоначально на началахъ, несомнѣнно болѣе близкихъ къ со-

*) Дѣла по опекамъ, для коихъ, равнымъ образомъ, обычай былъ допущенъ, какъ источникъ права, поручались вѣдѣнію общественнаго управленія, а не суда.

вершеннѣйшимъ формамъ судопроизводства, чѣмъ дореформенные общіе органы суда *). Но, за всѣмъ тѣмъ, относящіяся къ этому вопросу сужденія не заключаютъ никакихъ указаній, чтобы обычай признавался единственнымъ источникомъ права, и чтобы Волостные Суды лишены были возможности руководствоваться общегражданскими законами.

Иначе, конечно, и не могло быть, ибо обычаи могли примѣняться, по выраженію Юрид. Отд. Ред. Ком., «только въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ они дѣйствуютъ»; при отсутствіи же ихъ, очевиднымъ источникомъ права является основной, установленный разсмотрѣнными выше статьями матеріальнаго права, т. е. обще-гражданскій законъ.

Такимъ образомъ противоположнаго рода взгляды, приводящіе къ воспрещенію Волостнымъ Судамъ ссылаться въ своихъ рѣшеніяхъ на 1 ч. X тома, основаны просто на неправильномъ толкованіи указаннаго процессуальнаго закона,—толкованіи, стоящемъ въ прямомъ противорѣчіи съ матеріальнымъ закономъ и съ историческими источниками права.

Второе обстоятельство, коимъ объясняется убѣжденіе объ изъятіи крестьянъ отъ дѣйствія 1 ч. X тома, заключается въ слѣдующемъ.

Въ Положеніи 19 Февраля 1861 г. установлены нѣкоторыя ограниченія въ правѣ распоряженія надѣльными землями до уплаты выкупной ссуды, но при этомъ указано, что, послѣ погашенія выкупного долга, права крестьянъ

---

*) Проектъ организаціи Волостного Суда на началахъ jury — изъ всѣхъ членовъ волостного схода по очереди—былъ измѣненъ гораздо позже, когда вопросъ о предоставленіи этому суду права рѣшенія дѣлъ по обычаю былъ уже законченъ: по настоянію новаго предсѣдателя Ред. Ком. графа Панина jury было замѣнено ограниченнымъ числомъ крестьянъ, избираемыхъ въ судьи на цѣлый годъ, т. е. гѣми «сельскими чиновниками», въ независимости и безпристрастіи коихъ справедливо сомнѣвались Ред. Ком. (Мат. Ред. Ком. т. XII, Журн. Об. Пр. №№ 119—122. стр. 4—5).

на эти земли опредѣляются тѣми статьями Положенія, которыя распространяютъ на крестьянъ общіе законы о правахъ гражданскихъ (Полож. Вык. изд. 1861 г. ст. 159—171 и Общ. Пол. того же изд. ст. 37)*).

Это *временное* изъятіе надѣльныхъ земель и притомъ только отъ *нѣкоторыхъ* положеній гражданскаго права расширялось постепенно путемъ кассаціоннаго толкованія, установившаго вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ принциповъ, которые признавались заимствованными изъ обычнаго права, а именно: семейную собственность, смѣну домохозяина взамѣнъ института наслѣдованія, недѣйствительность завѣщательныхъ распоряженій и т. д.

Въ настоящее время путемъ такого толкованія установлено, что надѣльная земля изъята вообще отъ дѣйствія гражданскаго права, а не только нѣкоторыхъ его положеній; изъятіе это признается въ отношеніи всякой надѣльной земли, въ томъ числѣ и свободной отъ выкупного долга; наконецъ, понятіе о надѣлѣ расширено, и подъ нимъ разумѣютъ не только землю, о которой говоритъ Положеніе, но и связанное съ нею имущество, т. е. строенія, рабочій инвентарь и движимость, необходимые въ хозяйствѣ.

Столь широкое толкованіе обусловлено было соображеніями аграрной и фискальной политики, оказавшими вообще серьезное вліяніе на интерпретацію крестьянскаго права, но, конечно, не началами Положенія 19 Февраля 1861 г., вполнѣ опредѣленно выраженными въ приведенныхъ выше двухъ статьяхъ (159 Полож. Вык. и 37 Общ. Пол.), текстъ коихъ не допускаетъ сомнѣній о распространеніи на крестьянскія надѣльныя земли общегражданскихъ законовъ.

Во всякомъ случаѣ, разсмотрѣнныя выше оба толкованія въ связи съ послѣдовавшимъ въ 1889 году расширеніемъ компетенціи Волостныхъ Судовъ настолько раздви-

*) Текстъ этихъ статей—въ концѣ записки.

нули предѣлы примѣненія обычая, сдѣлавъ его притомъ исключительнымъ источникомъ права, что убѣжденіе объ изъятіи крестьянъ отъ дѣйствія 1 ч. X тома вполнѣ естественно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ признать, что убѣжденіе это противорѣчитъ началамъ Положенія 19 Февраля 1861 г., вполнѣ опредѣленно выраженнымъ не только въ историческихъ его источникахъ, но и въ самомъ текстѣ этого законодательнаго акта. Такъ какъ предстоящій пересмотръ законодательства о крестьянахъ долженъ представлять собой развитіе именно этихъ началъ, отъ которыхъ въ настоящемъ случаѣ столь отклонилось толкованіе, то въ моемъ убѣжденіи пожеланія мѣстныхъ комитетовъ о нормированіи частно-правовыхъ отношеній крестьянъ общегражданскимъ закономъ въ точности соотвѣтствуютъ этому предуказанію.

Слѣдующее (въ порядкѣ приложенныхъ къ настоящей запискѣ принципіальныхъ вопросовъ) пожеланіе большинства мѣстныхъ комитетовъ относится къ области уголовнаго права и проектируетъ равенство наказаній съ соотвѣтственной этому принципу отмѣной тѣлеснаго наказанія для крестьянъ.

Вопросъ объ одинаковой для крестьянъ уголовной отвѣтственности съ прочими сословіями имѣетъ большее или меньшее значеніе въ зависимости отъ компетенціи Волостного Суда. Въ настоящее время, когда карательная власть этого суда и кругъ подвѣдомственныхъ ему проступковъ значительно расширены, вопросъ о неравенствѣ наказаній несомнѣнно пріобрѣтаетъ то значеніе, котораго онъ не имѣлъ при прежней компетенціи суда согласно Положенію 19 Февраля 1861 года. По убѣжденію составителей этого закона, «волостной судъ долженъ имѣть характеръ домашняго суда по маловажнымъ проступкамъ, влекущимъ за собой легкія исправительныя наказанія, и предоставленіе

ему болѣе широкой власти было бы несовмѣстно ни съ характеромъ, ни съ личнымъ составомъ Волостного Суда». (Мат. Ред. Ком. ч. V, Ад. От. № 7, стр. 40—42; Общій журналъ Гл. Ком. стр. 83).

Взглядъ этотъ высказывался во всѣхъ стадіяхъ работъ по составленію Положенія, и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, карательная власть Волостного Суда была ограничена самыми тѣсными предѣлами, а въ кругъ его вѣдомства включены только «маловажные проступки». При такихъ условіяхъ вопросъ о неравенствѣ наказаній терялъ бы значеніе, если бы не то обстоятельство, что наряду съ общими наказаніями — штрафъ до 3 руб. и арестъ до 7 дней, — Волостной Судъ не получилъ бы права примѣненія исключительнаго, отъ котораго избавлялись привилегированныя сословія, т. е. тѣлеснаго.

И дѣйствительно, сохраненіе этой карательной мѣры побудило Редакціонныя Коммисіи дать особыя объясненія, изъ которыхъ ясно видно, что Коммисіи признавали ее временной и рѣшились оставить ее, въ сущности, противъ своего убѣжденія. «Не позволяя себѣ войти въ разсмотрѣніе возможности исключить изъ числа исправительныхъ наказаній тѣлесное наказаніе, ибо вопросъ этотъ связанъ съ принятою нашимъ законодательствомъ общею системою исправительныхъ и уголовныхъ наказаній, какъ для крѣпостного населенія, такъ и для прочихъ податныхъ сословій, Отдѣленіе не можетъ не заявить здѣсь мысли, что пересмотръ означеннаго вопроса окажется совершенно необходимымъ, когда, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, обнаружатся ожидаемыя отъ того благодѣтельныя въ нравственномъ и вещественномъ отношеніяхъ послѣдствія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, изысканы будутъ Правительствомъ средства къ дѣйствительной замѣнѣ существующей системы тѣлесныхъ наказаній — другими, болѣе правильными взысканіями» (Мат. Ред. Ком. т. V, Ад. От. № 7, стр. 42).

Въ позднѣйшемъ періодѣ занятій сужденія эти повторяются въ отвѣтъ на отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ о «необходимости отмѣнить это наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства, ожесточающее и даже не устрашающее, если только оно не обращается въ физическое истязаніе» (Мат. Ред. Ком. ч. XII, Ад. От., стр. 114).

Приведенныя сужденія составителей Положенія 19 Февраля достаточно, кажется, ясно указываютъ, насколько пожеланія мѣстныхъ комитетовъ соотвѣтствуютъ началамъ этого Положенія по разсматриваемому вопросу, разрѣшенному, какъ извѣстно, Высочайшимъ Манифестомъ 11 Августа сего года.

За разсмотрѣнными общими вопросами публичнаго и гражданскаго права слѣдуютъ въ сущности частные, входящіе въ область того и другого, но пріобрѣтающіе принципіальное значеніе, въ виду особаго къ нимъ вниманія общественной мысли и рѣзкаго по поводу ихъ противорѣчія взглядовъ. Вопросы эти касаются общины, семейнаго владѣнія и права передвиженія. Первый изъ нихъ разрѣшается большинствомъ мѣстныхъ комитетовъ въ томъ смыслѣ, что переходъ отъ общиннаго владѣнія къ личному желателенъ, но безъ какихъ-либо принудительныхъ къ тому мѣръ; равнымъ образомъ, недопустимо и принудительное удержаніе отдѣльныхъ крестьянъ въ общинѣ, и поэтому каждый изъ ея членовъ долженъ имѣть право выдѣлить свою часть въ личное владѣніе независимо отъ согласія остальныхъ.

Пожеланіе это въ точности согласуется съ текстомъ соотвѣтственныхъ постановленій Положенія 19 Февраля 1861 года (ст. 36 Общаго Пол. и 165 Пол. Вык.), измѣненнымъ, какъ извѣстно, только впослѣдствіи. Что же касается историческихъ источниковъ, то они свидѣтельствуютъ

съ замѣчательной ясностью, насколько начала этого законодательнаго акта чужды какихъ-либо мѣръ принудительнаго прекращенія или искусственнаго поддержанія общиннаго землепользованія.

Останавливаясь въ первомъ періодѣ своихъ занятій на вопросѣ объ общинномъ землепользованіи, Редакціонныя Коммисіи обратили вниманіе, что законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ обязывалъ помѣщика, освободившаго своихъ крестьянъ, раздѣлить предоставляемую имъ землю на подворные участки. Поясняя, что «этотъ законъ опредѣляетъ раздѣлъ земли на семейные участки какъ мѣру обязательную», — Юрид. Отд. Ред. Ком. указываетъ, что, съ своей стороны, «не находитъ достаточнаго повода распространять это правило на крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости: распоряженіе землею, принадлежащею въ собственность мірскому обществу, должно быть предоставлено усмотрѣнію общества, которое можетъ оставить землю въ общемъ владѣніи, или раздѣлить ее, когда признаетъ это нужнымъ, между домохозяевами, назначивъ каждому участокъ въ частную собственность; но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ стѣснять и членовъ общества непремѣнною обязанностію оставаться въ общемъ владѣніи, доколѣ само общество не произведетъ общаго раздѣла своихъ земель. Каждый членъ общества имѣетъ право на опредѣленную часть общей собственности, и для осуществленія этого права слѣдуетъ предоставить каждому соучастнику: 1) уступать другимъ право участія въ общемъ пользованіи землею, съ согласія общества и до окончательнаго раздѣла ея между членами общества; 2) требовать отъ общества выдѣла на свою часть участка въ натурѣ. Если же выдѣлъ участка въ натурѣ окажется невозможнымъ, или неудобнымъ, то можно предоставить обществу удовлетворить своего члена, желающаго выдѣлиться, денежнымъ вознагражденіемъ, по взаимному соглашенію, или по оцѣнкѣ. Рѣшеніе возни-

кающихъ по сему предмету споровъ можетъ быть, по мнѣнію Юридическаго Отдѣленія, предоставлено крестьянскимъ судамъ» (Мат. Ред. Ком., т. II кн. I, стр. 56, 57).

Въ послѣдующихъ періодахъ работъ Редакціонныя Коммисіи заявляютъ, что по вопросу объ общинѣ онѣ «постоянно руководствовались предложеніемъ покойнаго ихъ предсѣдателя І. И. Ростовцева, заявленнымъ уже во второмъ засѣданіи Коммисій и заключающимся въ слѣдующемъ: «вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи землями, которыя будутъ выкуплены, долженъ быть рѣшенъ согласно особенностямъ каждой мѣстности, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ удерживаться отъ стремленій разрѣшать этотъ вопросъ принудительными мѣрами» (Мат. Ред. Ком. т. XIII., Хоз. От.—«о надѣлѣ», стр. 250).

При этомъ Редакціонныя Коммисіи высказали категорическій взглядъ, что такой принудительной мѣрой, искусственно поддерживающей общину, была бы зависимость выдѣла отъ согласія міра. «По мнѣнію Юридическаго Отдѣленія Коммисій, не слѣдуетъ препятствовать переходу земель, окончательно пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность *), изъ общиннаго владѣнія въ личное. Если способъ общиннаго владѣнія крестьяне признаютъ для себя выгоднымъ, то надлежитъ ихъ оставлять при такомъ порядкѣ владѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно искусственнымъ покровительствомъ системѣ общиннаго владѣнія преграждать крестьянамъ путь къ общему и отдѣльному выходу изъ общиннаго порядка. Въ томъ и другомъ случаѣ всякое понудительное распоряженіе, напримѣръ: подчиненіе выдѣла согласію опредѣленнаго числа домохозяевъ и проч., было бы мѣрою стѣснительною и не-

*) Относительно земель еще невыкупленныхъ всѣ приводимыя соображенія цитируются Финансовой Коммисіей, какъ основаніе извѣстной 165 статьи Полож. Вык. (Мат. Ред. Ком. т. XI, стр. 157).

справедливою. Личный интересъ членовъ общества—лучшій и безошибочный судья въ этомъ дѣлѣ. Если выдѣлъ отдѣльнаго члена общество признаетъ для себя неудобнымъ, то оно можетъ выкупить имущество, слѣдующее сему члену изъ общиннаго владѣнія; но если общество не пожелаетъ пріобрѣсть принадлежащую выдѣляющемуся члену часть, то найдетъ средства выдѣлить его и не прибѣгая къ общему передѣлу земель. При этомъ Отдѣленіе нужнымъ считаетъ замѣтить, что крестьяне могутъ выкупить часть выдѣляющагося члена и въ томъ случаѣ, когда у нихъ не заведены мірскіе капиталы, а именно: посредствомъ добровольной раскладки слѣдующей выкупной суммы между домохозяевами» (Мат. Ред. Ком. т. XII, Юрид. Отд., стр. 28, 29). .

Въ заключеніе настоящаго вопроса нельзя не замѣтить, что какъ въ трудахъ Ред. Ком., такъ и Главнаго Комитета неуклонно проводится мысль, что уравнительное землепользованіе есть порядокъ временный, «обусловленный отсутствіемъ привычки или нужды въ тщательной обработкѣ земли и естественнымъ плодородіемъ почвы»;—«съ постепеннымъ развитіемъ хозяйственныхъ условій онъ окажется тягостнымъ для самихъ крестьянъ»; «неизбѣжнымъ послѣдствіемъ приложенія къ землѣ упорнаго труда является развитіе подворныхъ хозяйствъ»; «постепенный переходъ общиннаго крестьянскаго пользованія въ участковое, по всѣмъ вѣроятіямъ, неизбѣженъ»; поэтому «необходимо предоставленіе общинѣ законнаго пути къ естественному, внутреннею необходимостью вызванному разложенію ея на случай, если бы впослѣдствіи обнаружилось ея несоотвѣтствіе требованіямъ обновленнаго экономическаго быта» и т. д. (Мат. Ред. Ком. т. III кн. 1, стр. 231, 233—235; т. IV, Хоз. От. № 1, стр. 45; т. XI, стр. 190; т. XII, Ад. От., стр. 39—44; т. XIII—«о надѣлѣ» стр. 250; Журн. Гл. Ком. стр. 172, 173).

Этотъ взглядъ на общинное землепользованіе какъ на временную форму отразился и на самой редакціи законодательнаго акта 19 Февраля 1861 года: терминъ общинное пользованіе употребляется въ той части этого закона, которая содержитъ временныя правила, опредѣляющія порядокъ поземельнаго устройства освобождаемыхъ крестьянъ, т. е. въ Мѣстномъ Пол. Великороссійскомъ; что же касается Общаго Положенія, которое является закономъ кореннымъ, имѣющимъ постоянное, а не временное дѣйствіе, то здѣсь терминъ этотъ замѣняется обыкновенно словами «общее», «общественное».

Предпослѣдній принципіальный вопросъ касается семейнаго владѣнія. Его правовая конструкція, установленная толкованіями Сената, сводится къ признанію подворнаго участка и усадебной осѣдлости общинниковъ коллективной собственностью семьи, притомъ не родственной, а рабочей—въ составѣ крестьянскаго двора; въ соотвѣтствіи съ этимъ признается, что такое имущество не можетъ быть завѣщаемо домохозяиномъ, смерть его не открываетъ наслѣдства, пока живъ кто-либо изъ членовъ двора, происходитъ только смѣна представителя двора—домохозяина; однако, наряду съ этимъ, послѣднему предоставлено право распоряженія имуществомъ независимо отъ согласія прочихъ членовъ двора, хотя бы они были боковыми родственниками, т. е. такими же, въ сущности, наслѣдниками, какъ и самъ домохозяинъ.

Эта несомнѣнно противорѣчивая въ своихъ частяхъ конструкція вызываетъ многочисленныя нареканія мѣстныхъ комитетовъ съ указаніемъ, что практически она ведетъ къ чрезвычайной неустойчивости и неопредѣленности права и цѣлому ряду несправедливостей и злоупотребленій. Поэтому высказывается пожеланіе о нормированіи

крестьянскихъ правъ общегражданскимъ началомъ личной собственности.

Въ мотивахъ Сенатскихъ разъясненій о семейной собственности цитируются обыкновенно тѣ статьи Мѣстныхъ Положеній о поземельномъ устройствѣ въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ преобладающее въ этихъ мѣстностяхъ подворное пользованіе именуется «семейнымъ», а самые участки «оставленными въ потомственное пользованіе крестьянскихъ семействъ за установленныя повинности».

Розыскивать въ историческихъ источникахъ Мѣстныхъ Положеній хотя какой либо намекъ на возможность изложеннаго выше толкованія этихъ терминовъ было бы совершенно безуспѣшно. Относящіеся къ сему матеріалы Ред. Ком. (т. IV, Хоз. Отд. № 1; т. VI, Доп. I и III; т. IX, Доп. IV; т. XII, Хоз. Отд.) не содержатъ ни одной рѣшительно строчки, которая указывала бы, что составители Положеній 19 Февраля разумѣли иное право на подворные участки, какъ общегражданское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ внимательное чтеніе этихъ матеріаловъ уясняетъ смыслъ приведенной терминологіи, далеко при томъ не исключительной, ибо семейное пользованіе называется гораздо чаще подворнымъ, участковымъ, наслѣдственнымъ, потомственнымъ и личнымъ.

Въ дѣйствительности составители Мѣстныхъ Положеній совершенно не занимались вопросомъ о вотчинныхъ правахъ, пріобрѣтаемыхъ крестьянами, когда они войдутъ въ соглашеніе о выкупѣ земли. Этотъ вопросъ разрабатывался при составленіи Общаго Положенія и Полож. о Выкупѣ и былъ, какъ извѣстно, разрѣшенъ на точномъ основаніи общегражданскихъ началъ. Что же касается Мѣстныхъ Положеній, то они имѣли въ виду нормировать исключительно лишь временно-обязанныя отношенія, когда «помѣщикъ сохранялъ право собственности

на надѣлъ крестьянъ, ограничиваемое предоставляемымъ крестьянамъ правомъ безсрочнаго и постояннаго пользованія». Эта послѣдняя цѣль, т. е. безсрочность крестьянскаго пользованія, особенно озабочивала Редакціонныя Коммисіи при разсмотрѣніи условій поземельнаго устройства въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія, ибо здѣсь надѣлъ не могъ быть предоставленъ общинѣ, которая, въ качествѣ субъекта права, по самой природѣ своей, обезпечивала такую безсрочность и исключала возможность возвращенія земли, какъ безхозяйной, помѣщику. Хотя указанная цѣль Редакціонныхъ Коммисій и основывалась на Высочайшихъ предуказаніяхъ, однако она встрѣчала осторожное по формѣ, но рѣшительное противодѣйствіе. Такъ Кіевская Общая Коммисія указывала, что «пріобрѣтеніе земли можетъ не совершиться, выкупъ усадьбъ можетъ не состояться, а характеръ и условія самаго пользованія зависятъ отъ дальнѣйшаго устройства экономическихъ отношеній», что «право крестьянъ на пользованіе землей составляетъ только фактическую комбинацію», что «съ развитіемъ реформы и при новыхъ условіяхъ совокупность формъ самаго характера поземельныхъ отношеній можетъ измѣниться»; что «опредѣленіе юридическаго отношенія помѣщика къ крестьянской надѣльной землѣ какъ права неполной собственности неправильно, такъ какъ терминъ этотъ предполагаетъ существованіе равносильнаго права характера вѣчнаго, чего не должно быть въ дѣйствительности» и т. д. (Мат. Ред. Ком. т. XII, Хоз. Отд. по Кіев. Под. Вол., стр. 10, 135—139).

При подобныхъ условіяхъ введенные въ законъ термины «наслѣдственное», «потомственное», «семейное пользованіе подворными участками», отражали только непреложное убѣжденіе Коммисій, что при временно обязанныхъ отношеніяхъ пользованіе подворнымъ участкомъ за установленную Положеніемъ повинность не ограничивается жизнью домо-

хозяина, но переходитъ къ его семьѣ, наслѣдникамъ, потомству.

Съ прекращеніемъ временно-обязанныхъ отношеній, значеніе этихъ терминовъ отпадаетъ и, дѣйствительно, они совершенно не упоминаются въ Положеніяхъ Общемъ и Выкупномъ. Здѣсь текстъ закона категорически указываетъ, что подворные участки составляютъ «личную», «частную» собственность.

Что касается усадебной осѣдлости при общинномъ землепользованіи, то соотвѣтственная статья закона, на которой основаны Сенатскія толкованія о признаніи усадебнаго владѣнія семейнымъ, а не личнымъ, гласитъ слѣдующее: «усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства, и переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку наслѣдованія» (Мѣст. Пол. Великор. ст. 110). Относящіеся къ этой статьѣ историческіе матеріалы (Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. III кн. I, стр. 304, 375—378; т. XII, Хоз. От.—«объ усад.», стр. 137—140) равнымъ образомъ указываютъ, что принятая этой статьей терминологія имѣетъ ту же цѣль, а именно безсрочность пользованія, только при участковомъ владѣніи для достиженія этой цѣли нужно было оградить право пользованія отъ помѣщика, а при общинномъ отъ міра.

Такимъ образомъ Положеніе 19 Февраля 1861 года совершенно чуждо той правовой конструкціи семейнаго владѣнія, которая установлена послѣдующимъ толкованіемъ закона.

Переходя ко второй части разсматриваемаго вопроса, а именно къ пожеланіямъ Комитетовъ, чтобы семейные раздѣлы были предоставлены свободной волѣ крестьянъ, а возникающіе при этомъ имущественные споры разрѣшались въ судебномъ порядкѣ, необходимо замѣтить, что по

Положенію 19 Февраля 1861 года для раздѣловъ установлено было одно лишь условіе, а именно согласіе сельскаго схода, и только впослѣдствіи введенъ цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью задержать распаденіе крестьянскихъ дворовъ на отдѣльныя хозяйства. Однако, даже и то единственное затрудненіе къ семейнымъ раздѣламъ, которое допущено Положеніемъ 19 Февраля, признавалось его составителями мѣрой временной, необходимость которой вызвана существованіемъ круговой поруки.

Но и это соображеніе раздѣлялось далеко не всѣми лицами, причастными къ названной законодательной работѣ, и въ средѣ ихъ высказывалось убѣжденіе, что «семейные раздѣлы должны быть совершенно свободны, круговая порука не оправдываетъ подчиненіе раздѣловъ міру: матеріальное должно обезпечиваться матеріальнымъ, а не нравственными отношеніями людей. Гдѣ оскорблена нравственность, тамъ не можетъ быть и матеріальнаго благосостоянія. Если насиліе міра признается необходимымъ для обезпеченія денежныхъ взносовъ, то лучше допустить самыя строгія имущественныя взысканія». Въ отвѣтъ на это Ред. Ком. указывали, что въ семейныхъ раздѣлахъ «контроль общества неизбѣженъ, по крайней мѣрѣ на первое время, когда крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, необходимо прежде всего упрочить за собой матеріальное обезпеченіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, когда раздѣлъ семействъ будетъ вызванъ болѣе настоятельною и существенною потребностью, а не прихотями, міръ и самъ не будетъ ставить препятствій къ такому раздѣлу. Нельзя видѣть въ сходѣ власть исключительно подавляющую личность въ пользу общества. Къ тому же, при очевидной невозможности жить нѣсколькимъ членамъ семьи вмѣстѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, хозяйство такой семьи не можетъ не страдать, а, слѣдовательно, и для общества выгоднѣе будетъ разрѣшать въ такихъ случаяхъ

раздѣлы, что оно, по всей вѣроятности, хорошо и скоро поймет, съ свойственнымъ нашему народу практическимъ смысломъ. Кромѣ того, при существованіи круговой поруки, которую отвергнуть нельзя, было бы несправедливо возлагать на міръ всю отвѣтственность по отбыванію повинностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишать его права предупреждать обѣднѣніе отдѣльныхъ домовъ. Замѣнять же это право опредѣленіемъ самыхъ строгихъ имущественныхъ взысканій невозможно потому, что введеніе такого рода взысканій предполагаетъ извѣстную степень зажиточности, которой огромное большинство крестьянъ еще не имѣетъ» (Мат. Ред. Ком. т. XII, Ад. От., стр. 60—62).

Такимъ образомъ, пожеланія мѣстныхъ комитетовъ по обѣимъ частямъ разсмотрѣннаго вопроса въ точности согласуются съ началами Положенія 19 Февраля 1861 г.

Послѣдній, наконецъ, вопросъ — выходъ изъ общества и временныя отлучки—разрѣшается мѣстными комитетами въ томъ смыслѣ, что установленныя для крестьянъ особыя ограниченія, крайне стѣсняющія право передвиженія и свободу труда, необходимо облегчить, приблизивъ крестьянъ въ отношеніи этихъ важнѣйшихъ личныхъ правъ къ прочимъ сословіямъ; при этомъ мѣстные комитеты особое вниманіе обращаютъ на затрудненія въ дѣлѣ распоряженія надѣльнымъ имуществомъ, представляющія основное препятствіе къ выходу изъ общества.

Обращаясь къ этому основному препятствію, нельзя не замѣтить, что Комитеты видятъ его не въ законѣ 14 Декабря 1893 г. о неотчуждаемости надѣльныхъ земель отъ крестьянскаго владѣнія, а въ невозможности распорядиться своимъ имуществомъ помимо согласія міра и въ невозможности облечь это распоряженіе въ форму договора, призна-

ваемаго и защищаемаго закономъ. Сложныя причины этой невозможности указаны Комитетами и подробно разсмотрѣны въ изданномъ по моему распоряженію и разосланномъ Гг. Членамъ Особаго Совѣщанія изслѣдованіи А. А. Риттиха, озаглавленномъ «Зависимость крестьянъ отъ общины и міра». Не входя въ эти детали, слѣдуетъ только въ общихъ чертахъ указать, что въ основѣ этихъ затрудненій лежатъ тѣ, частью законодательныя, частью сенатскія, опредѣленія, которыя воспретили выдѣлъ надѣла изъ общиннаго владѣнія въ подворное помимо согласія міра, — поставили то же согласіе непремѣннымъ условіемъ для распоряженія усадебной землей, — ввели неопредѣленность субъекта правъ распоряженія, замѣнивъ личное владѣніе семейнымъ, — стѣснили раздѣлъ наслѣдственнаго имущества и, наконецъ, — воспретили примѣненіе общегражданскаго порядка укрѣпленія правъ на невыкупленное надѣльное имущество.

Всѣ эти начала не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ Положеніемъ 19 Февраля 1861 г., какъ это видно изъ статей 21—38, распространяющихъ на крестьянъ общегражданскія права распоряженія имуществомъ и охраны его. Въ статьяхъ этихъ имѣется прямое указаніе, что ими нормируются правоотношенія по надѣльному имуществу, причемъ только нѣкоторыя точно перечисленныя закономъ изъятія установлены въ отношеніи права распоряженія надѣломъ до погашенія выкупной ссуды (ст.ст. 159—171 Пол. Вык.). Ограниченія эти имѣютъ исключительно залоговой характеръ, обезпечивая погашеніе выкупной ссуды при переходѣ правъ, и не вводятъ никакихъ видоизмѣненій въ общеустановленный порядокъ укрѣпленія правъ за пріобрѣтателемъ, равно какъ въ общегражданскіе принципы личной принадлежности права и возможности выдѣла его изъ общиннаго владѣнія. Между тѣмъ эти начала Положенія 1861 г., совершенно ясныя не только изъ историче-

скихъ его источниковъ, но и изъ самаго текста закона, не получили практическаго примѣненія, какъ это выше было уже объяснено: путемъ толкованій надѣльная земля изъята отъ дѣйствія общегражданскаго закона, введенъ вмѣсто этого обычай, дополненный впослѣдствіи приведенными выше законодательными и сенатскими опредѣленіями, и въ результатѣ крестьянинъ оказался лишеннымъ возможности ликвидировать свое имущество, при выходѣ изъ общества, въ порядкѣ, обезпечивающемъ юридическую силу заключаемаго договора. Этимъ установлена какъ бы абсолютная замкнутость надѣльнаго владѣнія, возмездные способы перехода его какъ бы упразднены, и такъ какъ, конечно, при современномъ экономическомъ строѣ подобное положеніе немыслимо, то крестьяне и изобрѣли всевозможные «обычные» способы отчужденія правъ, подробно описанные въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. Эти обходные пути, неизбѣжные за отсутствіемъ законныхъ, ведутъ къ сильному пониженію продажной стоимости имущества и къ завѣдомо недобросовѣстнымъ тяжбамъ въ сельской средѣ.

Подобное положеніе вещей настолько не отвѣчаетъ требованіямъ гражданскаго порядка и препятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, что оно именно и вызываетъ настойчивыя пожеланія Комитетовъ о дарованіи крестьянамъ общегражданскихъ правъ. Внѣ этого они не усматриваютъ возможности упорядочить современное положеніе, когда «даже юристъ неспособенъ рѣшить, принадлежитъ ли данное имущество общинѣ, семьѣ или отдѣльному лицу».

По поводу разсматриваемаго пожеланія нельзя не повторить, что общегражданскія права дарованы крестьянамъ Положеніемъ 19 Февраля 1861 г., но они лишены возможности пользоваться ими, ибо вся область правоотношеній, доступныхъ рядовому крестьянину, т. е. по всему

надѣльному имуществу, а также и по всякому другому, если только цѣна его не выше 300 руб., — все это изъято отъ общегражданскихъ началъ, но изъято не закономъ, а его толкованіемъ. Послѣднее получило преобладающее значеніе въ крестьянскомъ правѣ, оно какъ бы закрыло текстъ закона, а тѣмъ болѣе историческіе его источники. Поэтому и предоставленіе крестьянамъ общегражданскихъ правъ представляется чѣмъ то необычайнымъ по своей новизнѣ. А между тѣмъ оно ново только потому, что слишкомъ хорошо забыто. Въ такомъ именно положеніи находится бо̀льшая часть тѣхъ началъ, которыя положены составителями Положенія 19 Февраля въ основу этой замѣчательной работы.

Переходя къ остальнымъ стѣсненіямъ въ правѣ передвиженія, которыя признаются второстепенными, хотя ихъ и очень много, нельзя не признать, что онѣ обусловлены, главнымъ образомъ, цѣлями фискальнаго характера. Оброкъ за полученную крестьянами землю, перешедшій затѣмъ въ выкупной платежъ, въ большинствѣ случаевъ значительно превышалъ земельную ренту, и тѣмъ самымъ помѣщикъ получилъ какъ бы скрытое вознагражденіе за отмѣненныя права на личность крестьянина. При подобныхъ условіяхъ, когда арендовать землю можно было дешевле, чѣмъ платить за надѣльную, слѣдовало ожидать массовыхъ отказовъ крестьянъ отъ надѣла въ періодъ временно-обязанныхъ отношеній, а съ переходомъ на выкупъ размѣръ ссуды долженъ былъ превысить дѣйствительную стоимость земли, и, слѣдовательно, долгъ казнѣ не могъ быть обезпеченъ обще-гражданскимъ залоговымъ порядкомъ. При такихъ условіяхъ приходилось какъ бы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, дабы, съ одной стороны, предупредить «легкомысленный отказъ ихъ отъ драгоцѣннаго права, составляющаго лучшій залогъ обезпеченія въ будущемъ», а съ другой—«гарантировать поступленіе повинностей помѣщику, податей казнѣ

и ей же впослѣдствіи выкупныхъ платежей». Мѣры публичнаго права, которыми можно было обезпечить полученіе «далеко не всегда соотвѣтственныхъ», по выраженію Редакціонныхъ Коммисій, повинностей крестьянъ, и выразились въ формѣ круговой поруки, отвѣтственности всего двора и цѣлаго ряда условій, требуемыхъ для увольненія изъ общества (ст. 130 Общ. Полож. и 172—179 Пол. Вык.). Всѣ эти условія (кромѣ требованія, чтобы увольняемый не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ) имѣли цѣлью предупредить уклоненіе отъ денежныхъ обязательствъ казнѣ и частнымъ лицамъ и, въ связи съ круговой отвѣтственностью міра и двора, устанавливали зависимость увольненія отъ согласія общества, сельскихъ властей и домохозяина.

Такимъ образомъ всѣ эти стѣсненія были неизбѣжны по условіямъ того времени, но въ будущемъ, съ увеличеніемъ доходности земли и съ улучшеніемъ податной системы, Редакціонныя Коммисіи предусматривали возможность прекращенія большей части этихъ стѣсненій. «Въ послѣдующее время—говоритъ Хоз. Отд. Коммисій—крестьянинъ, при выходѣ своемъ изъ мірского общества, можетъ быть ограничиваемъ только исключительно такими требованіями, которыя истекаютъ изъ порядка отношеній его къ обществу, какъ казенной податной и повинностной единицы и притомъ только въ той мѣрѣ, въ коей это можетъ оказаться необходимымъ, вслѣдствіе могущихъ еще совершиться преобразованій въ окладномъ казенномъ устройствѣ» (Мат. Ред. Ком. 2 изд., т. III кн. I, стр. 208). А Финансовая Коммисія указываетъ, что «по мѣрѣ постепеннаго и по всѣмъ вѣроятіямъ неизбѣжнаго, со временемъ, перехода общиннаго крестьянскаго пользованія въ участковое, и также по мѣрѣ того, какъ возвысившаяся въ своей цѣнности земля будетъ постоянно становиться все лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпеченія казенныхъ выкуп-

ныхъ ссудъ, первоначальная, нынѣ еще неизбѣжная, система взысканій личныхъ должна будетъ замѣниться повсемѣстно исключительно правильною отвѣтственностью за долгъ одной лишь выкупной земли. Чѣмъ скорѣе осуществится это окончательное преобразованіе и чѣмъ бережнѣе будутъ при переходѣ одной системы къ другой охранены народные обычаи и складъ народной хозяйственной жизни, тѣмъ правильнѣе будетъ выполнена законодателемъ эта многосложная задача и тѣмъ лучшіе плоды принесетъ преобразованіе. Въ настоящее время достаточно лишь указать на эту цѣль, какъ на предметъ будущихъ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ Правительства, коихъ нынѣ еще нельзя предрѣшать». (Мат. Ред. Ком. т. XI стр. 190, 191).

Слѣдовательно, и разсмотрѣнный послѣдній вопросъ разрѣшается большинствомъ мѣстныхъ Комитетовъ въ соотвѣтствіи съ началами Положенія 19 Февраля 1861 г.

По моему убѣжденію, начала эти надлежитъ вообще искать въ тѣхъ цѣляхъ, которыя имѣлъ въ виду великій освободительный актъ, уничтоживший наиболѣе существенныя стороны правовой обособленности крестьянъ. Эти цѣли выражены весьма опредѣленно въ первой же фразѣ резолютивной части Высочайшаго Манифеста 19 Февраля 1861 г.: «Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей». Такимъ образомъ, гражданское полноправіе крестьянъ является цѣлью освободительной реформы, и эта цѣль опредѣляетъ основныя начала Положенія 19 Февраля 1861 г. по всѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ, разсмотрѣннымъ выше.

Совершенно неправильнымъ являлось бы обратное предположеніе, что основныя начала слѣдуетъ искать въ тѣхъ

временныхъ отступленіяхъ отъ этой цѣли, которыя допущены освободительнымъ актомъ, и регламентація коихъ составляетъ содержаніе наибольшаго числа статей этого закона. При такомъ взглядѣ основныя начала пришлось бы почерпать изъ статей, опредѣляющихъ временно-обязанное положеніе крестьянъ, порядокъ оброчнаго платежа помѣщику, барщину, временно обязательныя личныя отношенія къ помѣщику, временно предоставленное послѣднему «право суда и расправы», и т. д. и т. д.

Развитіе такихъ «основныхъ началъ» было-бы ничѣмъ инымъ, какъ движеніемъ въ сторону крѣпостного права.

Независимо разсмотрѣннаго основного предуказанія Государя Императора—перваго по времени его воспослѣдованія и засимъ подтвержденнаго—Его Величеству благоугодно было дать въ Манифестѣ 26 Февраля 1903 г. и въ Указѣ Правительствующему Сенату 8 Января 1904 г. слѣдующія дополнительныя указанія по крестьянскому вопросу и относящимся къ нему законодательнымъ работамъ.

«Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины».

«Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки».

«Поставить задачей дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при Православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ».

Пересмотръ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ «Мы признали за благо произвести на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 г., положивъ въ основу упомянутаго пересмотра,—какъ сказано Нами въ Манифестѣ

26 Февраля 1903 г.,—неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при условіяхъ облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины. Въ развитіе сихъ предначертаній признали Мы необходимымъ, наряду съ этимъ, сохранить крестьянамъ сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель».

Первое указаніе намѣчаетъ опредѣленный путь, по которому надлежитъ итти при разрѣшеніи вопроса объ общинномъ землепользованіи: принципъ неприкосновенности общины долженъ быть совмѣщенъ съ возможностью выхода изъ нея отдѣльныхъ крестьянъ. Къ тому-же, какъ извѣстно, направлены и пожеланія большинства мѣстныхъ Комитетовъ: высказываясь за неприкосновенность общины отъ какихъ-либо мѣръ къ прекращенію уравнительныхъ порядковъ помимо воли ея членовъ, Комитеты признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нежелательнымъ насильственное удержаніе отдѣльныхъ крестьянъ въ условіяхъ такого землепользованія и проектируютъ возвращеніе къ тѣмъ началамъ, которыя были приняты Положеніемъ 19 Февраля 1861 г., т. е. предоставленіе каждому члену общины свободнаго—независимаго отъ согласія прочихъ — права выхода изъ нея, съ выдѣломъ своего надѣла въ подворное владѣніе или съ полученіемъ за него вознагражденія.

Второе указаніе касается вопроса, разрѣшеннаго уже согласно Высочайшей волѣ, а именно круговой поруки; за сохраненіе ея, какъ видно изъ свода «Крестьянскій Правопорядокъ», высказался одинъ только Комитетъ, а прочіе признаютъ ея отмѣну необходимой.

Третье указаніе признаетъ «задачей дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ». Этимъ поясняется цѣль, къ которой надлежитъ стремиться при реформѣ низшаго управленія, и которая могла бы

ускользнуть при недостаточномъ уясненіи относящихся къ этому вопросу началъ Положенія 19 Февраля 1861 г. По этому поводу я считаю умѣстнымъ повторить приведенное уже мнѣніе составителей этого Положенія о распредѣленіи селеній въ отношеніи общественнаго управленія по приходамъ: «раздѣленіе на приходы можетъ оказаться особенно полезнымъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, при неминуемомъ, со временемъ, сліяніи всѣхъ сельскихъ сословій, представляя готовую, такъ сказать, рамку, въ которую легко, удобно и охотно уложатся всѣ новые элементы» (Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. II кн. 2, стр. стр. 32, 33; Журналъ Гл. Ком., стр. 57). Но это территоріальное начало организаціи низшаго управленія было только намѣчено для будущаго и отъ него пришлось отказаться по условіямъ того времени. Теперь оно предуказано Высочайшей волей, и, конечно, сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскаго попечительства исключаетъ возможность замкнутой сословной организаціи, какъ не имѣющей ничего общаго ни съ составомъ приходскихъ попечительствъ, ни съ самой идеей прихода, объединяющаго все населеніе, независимо его сословныхъ отличій.

Слѣдующее указаніе подтверждаетъ требованіе о пересмотрѣ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ на почвѣ основныхъ началъ преобразованій 1861 г., причемъ «въ развитіе сихъ предначертаній» признано «необходимымъ, наряду съ этимъ, сохранить крестьянамъ сословный строй».

Надлежитъ, однако, имѣть въ виду, что рамки сословнаго строя не представляютъ собой чего-либо неизмѣннаго и начиная отъ самыхъ узкихъ, въ видѣ различій въ почетныхъ преимуществахъ, доходятъ до самыхъ широкихъ — при рабствѣ или крѣпостномъ правѣ, когда часть населенія лишена гражданскихъ и личныхъ правъ, предоставленныхъ прочимъ подданнымъ.

Такимъ образомъ, терминъ «сословный строй» выражаетъ понятіе крайне разнообразное по своему реальному содержанію и онъ не уяснялъ бы Высочайшей воли, если бы не былъ тѣсно связанъ съ указаніемъ на основныя начала преобразованій 1861 г.; эта связь прямо подчеркивается двумя соединительными выраженіями: «въ развитіе сихъ предначертаній» и «наряду съ этимъ». При этихъ условіяхъ выраженіе «сохранить крестьянамъ сословный строй» имѣетъ весьма опредѣленное содержаніе, указывающее тотъ предѣлъ, далѣе котораго не могутъ итти предположенія о правовомъ обособленіи крестьянъ и перейдя который они окажутся проектомъ о расширеніи, а не о сохраненіи сословнаго строя. Предѣлъ этотъ—Положеніе 19 Февраля 1861 г. и, слѣдовательно: изъятіе крестьянъ отъ общегражданскаго и общеуголовнаго кодекса съ замѣной какимъ-либо инымъ, расширеніе области примѣненія обычая какъ источника права, увеличеніе компетенціи органовъ сословнаго суда и управленія, построеніе имущественныхъ правъ на принципѣ семейномъ, а не личномъ, и всѣ вообще предположенія о сословныхъ отличіяхъ, не указанныхъ въ Положеніи 19 Февраля, или въ рамкахъ болѣе широкихъ, чѣмъ установленныя этимъ Положеніемъ,—все это было бы расширеніемъ сословнаго строя и не отвѣчало бы Высочайшему предуказанію.

Независимо опредѣленія рамокъ сословнаго строя, не содержитъ-ли Высочайшая воля требованія о сохраненіи въ этихъ предѣлахъ всѣхъ рѣшительно правовыхъ отличій Положенія 19 Февраля 1861 г. въ полномъ ихъ объемѣ? Въ этомъ случаѣ задача пересмотра законодательства о крестьянахъ заключалась-бы въ устраненіи тѣхъ многочисленныхъ отклоненій отъ началъ этого Положенія, которыя были установлены впослѣдствіи, какъ въ порядкѣ законодательномъ, такъ, главнымъ образомъ, путемъ толкованія закона.

И эта задача была-бы, по моему убѣжденію, въ высшей степени благодарной, ибо успѣшное ея выполненіе избавило бы крестьянъ отъ многихъ ограниченій и той неопредѣленной и стѣснительной регламентаціи, которая явилась результатомъ постепеннаго лишенія крестьянъ общегражданскихъ правъ, дарованныхъ имъ Положеніемъ 19 Февраля.

Но, отвѣчая на поставленный вопросъ, считаю долгомъ высказать, что текстъ Высочайшей воли не даетъ права заключить, что сословныя отличія крестьянъ должны быть непремѣнно сохранены полностью въ томъ объемѣ, какъ они были допущены Положеніемъ 19 Февраля 1861 г. Напротивъ того, Высочайшее предуказаніе, объявленное 14 Января 1902 г., говоритъ о «дальнѣйшемъ развитіи основныхъ началъ» этого Положенія, и такъ какъ въ основѣ освободительной реформы лежитъ устраненіе цѣлаго ряда серьезнѣйшихъ правовыхъ отличій крестьянскаго сословія, то, слѣдовательно, и развитіе этихъ началъ должно заключаться въ дальнѣйшемъ устраненіи тѣхъ сторонъ правовой обособленности, сохраненіе коихъ не обусловлено въ настоящее время государственной пользой.

Правильность такого толкованія по буквальному и логическому смыслу Высочайшихъ указаній можетъ быть въ настоящее время установлена съ полной очевидностью, ибо по разсматриваемому вопросу имѣется уже аутентическое толкованіе—самого Августѣйшаго Законодателя. Его Императорскому Величеству благоугодно было отмѣнить круговую поруку и тѣлесное наказаніе—два серьезнѣйшихъ сословныхъ отличія крестьянъ по Положенію 19 Февраля, и, слѣдовательно, сохраненіе всѣхъ особенностей сословнаго строя, допущенныхъ этимъ Положеніемъ, очевидно, не требуется Высочайшей волей.

Такимъ образомъ, разсматриваемое предуказаніе находится, какъ и слѣдовало ожидать, въ полнѣйшемъ соотвѣт-

ствіи со всѣми предшествующими: развитіе основныхъ началъ великой реформы, даровавшей крестьянамъ бо́льшую часть правъ прочихъ сословій, несомнѣнно требуетъ и дальнѣйшаго къ нимъ приближенія въ правовомъ отношеніи, однако, степень такого приближенія не можетъ быть основана исключительно лишь на отвлеченномъ принципѣ; не будучи сообразованъ съ реальными нуждами, онъ могъ-бы повести далѣе, чѣмъ это дѣйствительно необходимо для пользы какъ самаго крестьянства, такъ и всего государства; Высочайшая воля рѣшительно предупреждаетъ такую крайность и не допускаетъ возможности совершеннаго устраненія правовыхъ особенностей крестьянской среды; поэтому-то сохраненіе сословнаго строя отнюдь не противополагается развитію основныхъ началъ освободительной реформы, но, напротивъ того, начала эти подтверждаются къ неуклонному руководству и, наряду съ этимъ, указывается необходимость сохраненія крестьянамъ сословнаго строя.

Пожеланія мѣстныхъ Комитетовъ свидѣтельствуютъ, насколько сохраненіе извѣстныхъ правовыхъ отличій необходимо наряду съ приближеніемъ крестьянъ къ общему правовому положенію. Хотя убѣжденіе о неотложности такого приближенія и выражается обыкновенно въ общей и очень широкой формулѣ «устранить правовую обособленность крестьянъ», однако, тѣ же комитеты, которые высказываютъ это пожеланіе, признаютъ недопустимость искусственнаго—по требованію закона—введенія частнаго владѣнія на мѣсто общиннаго; признаютъ необходимость обособленныхъ организацій для завѣдыванія хозяйственными дѣлами, проистекающими изъ общности крестьянскаго землепользованія;—желательность предоставить этимъ поземельнымъ крестьянскимъ союзамъ необходимую свободу хозяйственнаго самоопредѣленія; находятъ весьма важнымъ сохранить сословную замкнутость надѣльной земли и даже проектируютъ предѣльныя нормы сосредоточенія

ея въ однѣхъ рукахъ, имѣя въ виду, что и въ средѣ крестьянъ уже появились лица съ значительными денежными средствами; признаютъ нужнымъ установить особый упрощенный порядокъ укрѣпленія правъ на крестьянское недвижимое имущество;—упрощенный порядокъ межеванія и судебно-межевого разбирательства для надѣльныхъ земель; находятъ возможнымъ допустить дѣйствіе обычая, какъ вспомогательнаго источника права въ порядкѣ наслѣдованія крестьянскаго имущества; допускаютъ сохраненіе сословнаго суда для самыхъ маловажныхъ тяжбъ и проступковъ. Но, намѣчая эти изъятія, умѣстныя и даже необходимыя по условіямъ времени, Комитеты ставятъ цѣлью развитія законодательства о крестьянахъ—приравненіе ихъ къ правовому положенію прочихъ сословій. Слѣдовательно, не противорѣча этой цѣли, а именно наряду съ ней, мѣстные Комитеты намѣчаютъ и содержаніе тѣхъ рамокъ сословнаго строя, которыя полезно сохранить.

Наконецъ, послѣднее указаніе по вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ заключаетъ требованіе «сохранить неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель». Только что было отмѣчено, что, хотя мѣстные Комитеты и обобщаютъ свои пожеланія широкой формулой «устранить правовую обособленность крестьянъ», «устранить обособленность въ правахъ гражданскихъ», однако они же признаютъ необходимость сохраненія нѣкоторыхъ сословныхъ особенностей права. Въ ряду такихъ особенностей постоянно указывается сословная замкнутость надѣльнаго владѣнія, установленная закономъ 14 Декабря 1893 г. Съ другой стороны, и тѣ Комитеты, которые особенно горячо отстаиваютъ принципіальный взглядъ о свободѣ собственности, признаютъ, что она стѣснена не столько этимъ закономъ, сколько ограниченіями и неопредѣленностью правъ, проистекающими вслѣдствіе изъятія крестьянъ отъ общегражданскаго права: при отсутствіи

личной собственности субъектъ права распоряженія не выясненъ, вмѣстѣ съ тѣмъ устойчивые защищаемые закономъ способы передачи и укрѣпленія правъ не установлены. При такихъ условіяхъ получается какъ бы абсолютная замкнутость владѣнія, и крестьянинъ не можетъ отчудить своего владѣнія крестьянину же, т. е. фактическая возможность, конечно, есть, но юридической нѣтъ, что и ведетъ къ непроизводительной тратѣ денегъ на испрошеніе согласія міра и къ непрестаннымъ злоупотребленіямъ и тяжбамъ сторонъ, вступающихъ въ непредусмотрѣнныя и незащищенныя закономъ сдѣлки. Выше уже говорилось объ этомъ нѣсколько подробнѣе, теперь же остается только указать, что Комитеты болѣе всего и возстаютъ противъ такого, дѣйствительно недопустимаго, порядка и, не возражая противъ сословной замкнутости надѣльныхъ земель, указываютъ на необходимость нормировать общегражданскими началами отчужденіе этихъ земель крестьянами между собой. При этомъ нѣкоторые изъ Комитетовъ отмѣчаютъ необходимость установить болѣе дешевый и близкій къ крестьянамъ порядокъ укрѣпленія правъ.

Такимъ образомъ вопросъ объ отчуждаемости надѣльнаго владѣнія интересуетъ Комитеты болѣе всего въ тѣхъ именно предѣлахъ, которые предуказаны. Многіе Комитеты проектируютъ даже предѣльную норму сосредоточенія надѣльной земли въ однѣхъ рукахъ.

Разсмотрѣвъ степень соотвѣтствія пожеланій мѣстныхъ Комитетовъ тѣмъ началамъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ, которыя предуказаны Высочайшей волей, долгомъ считаю повторить, что вопросъ о такомъ соотвѣтствіи, конечно, имѣетъ первостепенное значеніе; поэтому я и считалъ себя обязаннымъ выяснить его съ особымъ вниманіемъ и во всѣхъ подробностяхъ до разсмотрѣнія Особымъ Совѣщаніемъ существа дѣла. Обращаясь

къ существу, я изложу свой взглядъ, не вдаваясь въ детали, достаточно освѣщенныя въ трудахъ мѣстныхъ Комитетовъ тѣми лицами, которыя ближе всего стоятъ къ крестьянскому дѣлу.

Вопросъ объ организаціи низшаго суда и управленія распадается на два взаимно опредѣляющихъ: о кругѣ вѣдомства и личномъ составѣ. Чѣмъ уже первый, чѣмъ меньше жизненныхъ интересовъ населенія онъ затрагиваетъ, тѣмъ болѣе упрощается вопросъ о личномъ составѣ. При наличіи подобныхъ условій, отчего не предоставить крестьянамъ судиться и управляться своими собственными силами: если это и не будетъ особенно полезно для правовыхъ, а, слѣдовательно, и экономическихъ интересовъ, то, во всякомъ случаѣ, за ничтожностью ихъ, замѣтнаго вреда не принесетъ и, несомнѣнно, облегчитъ государство въ его обязанностяхъ и расходахъ по управленію.

Такова ли, однако, современная компетенція крестьянскаго суда и управленія? Первый имѣетъ настолько широкую компетенцію, что ему подвѣдомственно большинство частно-правовыхъ отношеній крестьянъ. На-ряду съ этимъ представленіе, что крестьянскія дѣла крайне просты и несложны, что разобраться въ нихъ можетъ каждый, хотя бы безграмотный, но мало-мальски толковый крестьянинъ, что такой крестьянинъ знаетъ обычай, судитъ по совѣсти, нелицепріятенъ и неподкупенъ,—всѣ эти предположенія категорически опровергаются мѣстными дѣятелями, принимавшими участіе въ Комитетахъ. Въ сущности картина крестьянской юстиціи, нарисованная мѣстными Комитетами, настолько безотрадна, что утѣшать себя можно только предположеніями о сгущеніи красокъ. Но, если отнестись съ довѣріемъ и серьезно къ общему голосу мѣстныхъ дѣятелей, утверждающему, что низшій судъ съ его широкой компетенціей ввѣренъ людямъ мало просвѣщеннымъ и находящимся въ крайней экономической и

правовой зависимости, и что такой судъ не даетъ гарантій правосудія, то единственный возможный на это отвѣтъ—ввѣрить судъ людямъ просвѣщеннымъ и болѣе самостоятельнымъ. Достигнуть этого путемъ прибавки нѣсколькихъ десятковъ рублей жалованья судьямъ изъ крестьянъ, избавленіемъ ихъ отъ дискреціонной карательной власти земскаго начальника и даже цензомъ грамотности,—въ моемъ убѣжденіи не представляется возможнымъ. Улучшеніе сословнаго состава уже испробовано правилами о реформированномъ волостномъ судѣ, а между тѣмъ главныя нареканія мѣстныхъ Комитетовъ именно на этотъ судъ съ расширенной компетенціей и съ «улучшеннымъ составомъ». Слѣдовательно, иного пути, какъ ввести низшій судъ въ общую систему судебнаго управленія и ввѣрить его лицамъ съ образовательнымъ цензомъ, въ моемъ представленіи, не можетъ быть.

Эта естественная мысль встрѣчаетъ обыкновенно возраженія, что такой судъ—въ видѣ ли коронныхъ или выборныхъ мировыхъ судей—будетъ несвѣдущъ въ обычномъ правѣ, можетъ затруднить крестьянъ процессуальными формальностями, будетъ дорого стоить государству и, наконецъ, къ замѣщенію всего требуемаго числа должностей встрѣтится затрудненіе.

Обычное право является обычнымъ же оружіемъ, которымъ отражаются попытки къ закономѣрному устройству сельскаго быта. Оно тѣмъ болѣе удобно, что крайняя неопредѣленность и неизслѣдованность этого права даетъ возможность пользоваться имъ, какъ аргументомъ, крайне широко или, наоборотъ, весьма узко, въ зависимости отъ поставленной цѣли. Большинство мѣстныхъ Комитетовъ, какъ извѣстно, относится отрицательно къ существованію обычнаго права и выражаетъ пожеланіе о распространеніи на крестьянъ общегражданскихъ началъ, которыми они руководствуются въ настоящее время наперекоръ всѣмъ

убѣжденіямъ и даже требованіямъ. Но даже, не соглашаясь съ этимъ, а признавая всю силу обычая въ частно-правовыхъ отношеніяхъ крестьянъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Комитетовъ, что добросовѣстное изслѣдованіе и примѣненіе обычая можетъ быть лучше обезпечено при образованномъ и независимомъ судьѣ, въ особенности если при немъ будетъ нѣсколько очередныхъ засѣдателей отъ крестьянъ. Этотъ типъ мѣстнаго суда представляется мнѣ тѣмъ болѣе соотвѣтственнымъ, что онъ намѣченъ составителями Положенія 19 Февраля 1861 года, какъ типъ «дальнѣйшихъ улучшеній въ системѣ нашего судопроизводства», о чемъ выше уже было сказано.

Что касается процессуальныхъ формальностей, то вопросъ о сохраненіи ихъ въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для обезпеченія правильности производства дѣлъ въ низшемъ судѣ, разрѣшается разработкой соотвѣтствующихъ правилъ; тогда только можно говорить, что извѣстныя требованія для такого суда излишни, и, наоборотъ, надлежитъ ввести нѣкоторыя дополнительныя, имѣя, напр., въ виду неопытность сторонъ къ состязательному въ гражданскомъ процессѣ раскрытію обстоятельствъ дѣла. За всѣмъ тѣмъ не относится ли вопросъ о процессуальныхъ стѣсненіяхъ къ числу тѣхъ, которые по разнообразію своего реальнаго содержанія,—въ данномъ случаѣ отъ полной простоты процессуальной регламентаціи до чрезвычайной ея сложности,—облегчаютъ отводъ извѣстной мысли путемъ чисто внѣшняго впечатлѣнія? Дѣйствительно, можетъ показаться негуманнымъ изъять поселянина или поселянку отъ разбирательства ихъ домашнихъ споровъ въ Волостномъ Судѣ, гдѣ все творится по простотѣ и по совѣсти, и передать во власть общаго суда съ его сложными обрядностями, въ которыхъ безъ адвоката не разобраться и которыя поведутъ только къ торжеству ловкости и умѣнія надъ правдой. Однако, такой выводъ возможенъ лишь при оцѣнкѣ

вопроса не по цѣлостному его содержанію, а по тѣмъ крайностямъ, которыя легче всего производятъ впечатлѣніе. Въ послѣднемъ простота домашняго крестьянскаго суда и сложная обрядность общаго—барскаго легче всего укладываются и дольше всего удерживаются, какъ и всякія крайности.

А между тѣмъ, наряду съ дѣйствительной пользой простоты, она еще чаще приноситъ вредъ, какъ это и видно изъ оцѣнки дѣятельности Волостныхъ Судовъ мѣстными Комитетами; съ другой стороны, неужели же формальныя гарантіи правильности судебнаго разбирательства, существовавшія у мировыхъ судей или существующія у земскихъ начальниковъ, настолько сложны, непонятны и затруднительны для крестьянъ? По крайней мѣрѣ, объ этомъ не слышно, а мѣстные Комитеты указываютъ, что «при мировыхъ судьяхъ населеніе бѣжало отъ Волостного Суда, искусственно подтасовывая дѣла, чтобы подчинить ихъ компетенціи мирового судьи».

Эти бѣглецы, вѣроятно, не затруднились бы объяснить смыслъ народной пословицы: «простота хуже воровства».

Засимъ вопросъ о дороговизнѣ не имѣетъ, конечно, никакого значенія для признанія той или другой организаціи лучшей или худшей, способной дать народу правый судъ или неспособной. Но съ точки зрѣнія финансовой вопросъ этотъ имѣетъ первостепенное значеніе. Не входя въ разсмотрѣніе его съ этой стороны, не могу не согласиться, что низшій судъ, составленный изъ людей съ образовательнымъ цензомъ, будетъ стоить гораздо дороже, чѣмъ судъ изъ крестьянъ «по возможности грамотныхъ». Если задаться цѣлью замѣнить всѣ 9.390 волостныхъ судовъ въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи одинаковымъ числомъ единоличныхъ цензовыхъ, то это потребовало бы ежегоднаго расхода по крайней мѣрѣ въ 20 милл. руб. Однако, мѣстные Комитеты выска-

зываютъ мнѣніе, что территоріальная компетенція этого суда можетъ быть шире волостного. При этомъ объясняется, что болѣе совершенная организація устранитъ значительную часть завѣдомо недобросовѣстныхъ исковъ, вчинаемыхъ въ существующихъ Волостныхъ Судахъ, въ виду доступности ихъ вліянію, а также вслѣдствіе неполноты и противорѣчивости матеріальнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитеты указываютъ, что часть расходовъ можетъ быть пополнена изъ средствъ земскихъ, включая сюда какъ ту значительную сумму, которая тратится въ настоящее время крестьянами на содержаніе своего сословнаго суда, такъ и соразмѣрный дополнительный сборъ съ прочихъ сословій, которыя будутъ пользоваться проектируемымъ низшимъ судомъ. При подобныхъ условіяхъ указанная предѣльная цифра расхода изъ средствъ казны значительно понижается; вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе ея въ бюджетъ могло бы быть сдѣлано постепенно, если самую реформу вводить не сразу на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, а по губерніямъ. Эта постепенность разрѣшаетъ и вопросъ о замѣщеніи многочисленныхъ судебныхъ должностей. Сразу на всю Россію это было бы невозможно, а мало-по-малу не только вполнѣ осуществимо, но и допускаетъ выборъ людей, достойныхъ занять эту отвѣтственную должность. Мнѣ думается даже, что сознаніе той огромной пользы, которую можетъ принести сельскому населенію нелицепріятный и просвѣщенный судъ, въ связи съ той степенью служебной независимости, которая будетъ присуща этимъ должностямъ при введеніи ихъ въ общую систему судебнаго управленія, привлечетъ не мало силъ, сумѣющихъ поддержать традиціи этого вѣдомства. При этомъ высокій образовательный цензъ, возвышая и самую должность, окажется средствомъ привлеченія такихъ лучшихъ силъ, подобно тому, какъ это наблюдается въ судебномъ вѣдомствѣ со времени его реформы. Такимъ образомъ, сообразуясь съ духовными сред-

ствами государства, въ смыслѣ контингента лицъ, могущихъ замѣстить эти должности, и съ матеріальными, придется быть можетъ медленно, шагъ за шагомъ, вводить правый судъ въ нашу деревню, однако же иного пути, не можетъ быть. Я резюмирую свой взглядъ словами, заимствованными изъ трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ: необходимо ввести культурный и просвѣщенный элементъ въ составъ мѣстнаго суда, иначе нечего и говорить о его переустройствѣ.

Переходя къ вопросу объ организаціи ближайшаго къ населенію управленія, я съ особымъ вниманіемъ останавливаюсь на томъ расчлененіи обязанностей дѣйствующаго нынѣ крестьянскаго общественнаго управленія, которое намѣчено мѣстными Комитетами, а именно: 1) дѣла хозяйственныя, обусловленныя общностью земельнаго владѣнія; 2) дѣла общественнаго благоустройства; 3) дѣла административныя.

Первыя обнимаютъ весь кругъ общинныхъ распорядковъ по распредѣленію земли и повинностей съ нея и вообще по условіямъ пользованія ею, а при подворномъ владѣніи—той ея частью, которая не раздѣлена между отдѣльными крестьянами, т. е. выгонами, сѣнокосами и нѣкоторыми другими угодьями. Завѣдываніе этими дѣлами, по мнѣнію мѣстныхъ Комитетовъ, должно быть ввѣрено сословнымъ организаціямъ—въ составѣ крестьянъ, объединенныхъ общностью владѣнія. Въ настоящее время законная организація крестьянъ, а именно сельское общество, далеко не всегда совпадаетъ съ поземельнымъ союзомъ, а составляетъ или часть его или, наоборотъ, имѣетъ въ своемъ составѣ два и болѣе такихъ союза.

Необходимость выдѣленія ихъ изъ тѣхъ единицъ, въ которыя соединялись крестьяне для дѣлъ общественнаго благоустройства и административныхъ, сознавалась Редакціонными Коммисіями съ полной опредѣленностью въ пер-

вомъ періодѣ занятій, и соотвѣтственно этому были проектированы двѣ организаціи: «поземельная община, которой подлежатъ всѣ отношенія сельскаго быта, находящіяся въ связи съ общиннымъ пользованіемъ землями и угодьями», и «сельское общество, которому подлежатъ всѣ отношенія крестьянъ къ правительству и дѣла, касающіяся гражданской жизни крестьянъ, какъ членовъ сего общества». При этомъ объяснялось, что поземельная община должна быть чисто-хозяйственнымъ союзомъ, «совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ сельскаго общества», и «сельское общественное управленіе не можетъ вмѣшиваться въ распоряженія общины». Наряду съ этимъ волостное управленіе и волостной судъ отвергались, какъ излишнее и вредное средостѣніе между крестьянами и общимъ административнымъ и судебнымъ управленіемъ (Мат. Ред. Ком. изд. 2, т. II кн. 2, стр. 9—19).

Этотъ проектъ подвергся постепенному и коренному видоизмѣненію, представляющему ничто иное, какъ компромиссъ гадательныхъ соображеній о будущемъ экономической и правовой жизни крестьянъ. Съ одной стороны, высказывались убѣжденія, что поземельная община имѣетъ значеніе лишь при общинномъ землепользованіи, и «при дальнѣйшемъ развитіи народной жизни, съ упраздненіемъ общиннаго хозяйства, отдѣльное экономическое устройство однопомѣстныхъ крестьянъ теряетъ всякій смыслъ» (Мат. Ред. Ком. т. XII, Ад. Отд., стр. 41), съ другой—приводились мнѣнія о необходимости соединить крестьянъ не только въ сельскія общества, но и въ болѣе широкіе самоуправляющіеся союзы. Такимъ путемъ появились сельскія и волостныя общества, какъ организаціи, обнимающія интересы общественнаго благоустройства, управленія и суда, а поземельная община осталась безъ законодательнаго опредѣленія. Обязанности ея переданы сельскому сходу съ указаніемъ лишь, что въ этихъ дѣлахъ «не участвуютъ лица,

выдѣлившіяся изъ общиннаго пользованія» (Общ. Пол. ст. 51).

Конечно, частно-правовые интересы, объединяющіе всѣхъ участниковъ общаго владѣнія, создали фактическіе союзы этихъ участниковъ, независимо отъ сельскихъ сходовъ, и Сенатъ, какъ извѣстно, санкціонировалъ ихъ подъ названіемъ селенныхъ и частныхъ сходовъ.

Слѣдовательно, сохраненіе и законодательное ихъ признаніе является необходимымъ: предположенія, высказанныя въ средѣ Редакціонныхъ Коммисій о предстоящемъ въ будущемъ переходѣ къ личному владѣнію, едва ли осуществятся скоро, засимъ сохранится еще довольно долго общее владѣніе нѣкоторыми угодьями, эксплоатація коихъ не требуетъ особыхъ затратъ и труда, и такимъ образомъ союзъ поземельный, объединяющій интересы пользованія и распоряженія общими владѣніями, выдвинутъ самой жизнью.

Но законодательное признаніе его должно, по моему мнѣнію, проникнуться убѣжденіемъ, что идея такого союза, по преимуществу, частно-правовая. Поэтому пребываніе въ немъ не должно быть принудительнымъ, и отношеніе къ этому союзу правительственной власти должно выражаться въ установленіи формальныхъ условій его дѣятельности, въ разграниченіи и защитѣ законодательнымъ путемъ правъ и интересовъ цѣлаго союза и отдѣльныхъ его членовъ, но не въ регламентаціи по существу сложныхъ хозяйственныхъ распорядковъ союза и не въ опекѣ надъ его дѣятельностью.

Слѣдующая область хозяйственныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому управленію, это дѣла общественнаго благоустройства. Сюда входятъ школьное дѣло, санитарныя мѣры, организація медицинской помощи, борьба съ эпизоотіями, противопожарныя мѣры, страховое дѣло, устройство и поддержаніе дорогъ, общественное призрѣніе, продовольственная помощь, дѣла мелкаго кредита, многочисленныя мѣры хозяйственной самопомощи и вообще всѣ тѣ дѣла, которыя

составляютъ кругъ вѣдѣнія земства. Все это предоставлено сельскимъ и волостнымъ сходамъ и, по признанію мѣстныхъ Комитетовъ, идетъ или съ печальной медленностью и неумѣньемъ, или совершенно не двигается.

Я вполнѣ согласенъ со взглядомъ Комитетовъ, что всѣ перечисленныя дѣла затрагиваютъ насущные интересы всѣхъ постоянныхъ жителей сельскихъ мѣстностей, а не однихъ только крестьянъ, и что-безъ участія болѣе культурнаго элемента общественное благоустройство этихъ мѣстностей будетъ неосуществимой мечтой. Принципіально необходимость этого участія намѣчена Высочайшей волей, требующей сближенія общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ. При этихъ условіяхъ къ дѣламъ мѣстнаго благоустройства, состоящимъ въ вѣдѣніи крестьянскаго общественнаго управленія, могутъ быть привлечены наиболѣе просвѣщенные элементы сельскаго населенія въ лицѣ духовенства и помѣстнаго дворянства, а также и другихъ постоянныхъ жителей.

Дѣятельное участіе первыхъ двухъ сословій представляется мнѣ особенно желательнымъ, въ виду того положительнаго вліянія, которое они оказали бы не только на дѣла общественнаго благоустройства, но и на самихъ крестьянъ. Конечно, число представителей этихъ сословій въ сельскихъ мѣстностяхъ незначительно, но тѣмъ не менѣе они понемногу и неуклонно будутъ проводить въ крестьянское населеніе болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу общественнаго благоустройства, стремленіе къ его улучшенію, внесутъ умѣнье организовать это дѣло, предстательствовать за него гдѣ нужно, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ-же силы, при близкомъ общеніи съ крестьянами на почвѣ общихъ хозяйственныхъ интересовъ, сумѣютъ во многихъ случаяхъ предотвратить тѣ стихійныя броженія, источникомъ которыхъ являются обыкновенно нелѣпые слухи, возникающіе въ крестьянской средѣ самопроизвольно или рас-

пространяемые съ неблагонамѣренною цѣлью. Къ сожалѣнію, въ настоящее время культурный помѣстный классъ искусственно разъединенъ съ крестьянами; легальныхъ путей къ общей работѣ на пользу мѣстныхъ нуждъ не существуетъ, и при такихъ условіяхъ въ эту среду безпрепятственно проникаютъ только элементы, мало интересующіеся легальными путями и цѣлями.

При намѣченной передачѣ дѣлъ общественнаго благоустройства изъ вѣдѣнія крестьянскаго управленія въ вѣдѣніе территоріальной единицы, объединяющей все постоянное населеніе сельскихъ мѣстностей, подобнаго рода организація должна быть, по моему взгляду, поставлена въ ближайшую связь съ земской уѣздной, ибо задачи той и другой однородны и разъединеніе могло-бы отрицательно повліять на согласованность и планомѣрность многихъ мѣропріятій въ области общественнаго благоустройства. Съ другой стороны, и уѣздныя земства, несомнѣнно, нуждаются въ помощи болѣе близкихъ къ населенію хозяйственныхъ организацій. Нерѣдко приходится слышать въ послѣднее время, что земство постоянно увеличиваетъ число наемныхъ работниковъ, что все дѣло переходитъ изъ рукъ помѣстнаго элемента къ пришлому, и что тѣмъ самымъ земское дѣло бюрократизируется. Конечно, въ подобномъ взглядѣ много преувеличенія, ибо значительная часть наемныхъ лицъ несетъ обязанности, требующія спеціальныхъ знаній: это — доктора, ветеринары, акушерки, агрономы и т. д., число которыхъ постоянно растетъ, чему можно только радоваться. Однако же наряду съ этимъ несомнѣнно увеличивается и число земскихъ чиновниковъ, и происходитъ это вслѣдствіе невозможности уѣздному распорядительному органу справиться съ сильно разросшимся дѣломъ по всей территоріи уѣзда, не имѣя никакой выборной организаціи на мѣстахъ. Ее и приходится замѣнять отчасти волостными правленіями, которыя исполняютъ мно-

гія порученія земства, а отчасти наемными лицами—земскими чиновниками.

Такимъ образомъ, необходимость низшей хозяйственной организаціи, основанной на началѣ территоріальномъ, а не сословномъ, обусловлена не только невозможностью подвинуть дѣло общественнаго благоустройства въ сельскихъ мѣстностяхъ безъ участія помѣстнаго культурнаго класса, но и затруднительностью вести земское хозяйство всего уѣзда безъ помощи на мѣстахъ.

Границы такой организаціи едва-ли могутъ быть установлены для всѣхъ мѣстностей по одному признаку. Большая или меньшая плотность населенія, та или иная степень развитія общественныхъ интересовъ, пути сообщенія между отдѣльными селеніями и т. д.—все это отразится на предѣлахъ низшей земской единицы. Нельзя при этомъ не предвидѣть, что и внутри такихъ единицъ могутъ возникнуть хозяйственныя организаціи, объединяющія жителей одного поселка. Конечно, во многихъ случаяхъ хозяйственные интересы односельчанъ не пойдутъ далѣе заботъ о наилучшей эксплоатаціи общаго земельнаго владѣнія *) и тогда они будутъ разрѣшаться поземельными союзами, о которыхъ сказано выше. Однако, несомнѣнно, въ сельской средѣ начинаютъ появляться и такіе общественные интересы, которые обусловлены совмѣстнымъ жительствомъ, а не общностью владѣнія, и это особенно рельефно видно въ тѣхъ случаяхъ, когда поземельный союзъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ поселковъ, или, наоборотъ, нѣсколько поземельныхъ союзовъ имѣютъ усадебныя мѣста въ одной чертѣ осѣдлости и составляютъ одно селеніе, или, наконецъ, въ селеніи проживаетъ значительное число лицъ, не имѣющихъ

*) Наемъ пастуха, караульщика для охраны угодій отъ потравы, огораживаніе ихъ, улучшеніе сообщенія съ ними, осушеніе ихъ, чистка канавъ, пріобрѣтеніе на общественный счетъ болѣе сложныхъ земледѣльческихъ орудій, племенныхъ производителей и т. д.

доли въ надѣльномъ владѣніи и не участвующихъ, слѣдовательно, въ поземельномъ союзѣ. Независимо сего, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда поземельный союзъ совпадаетъ съ поселковымъ, могутъ явиться и нынѣ уже наблюдаются такіе интересы общественнаго благоустройства, которые не имѣютъ никакого отношенія къ общности земельнаго владѣнія, въ видѣ, напр., пріобрѣтенія пожарнаго обоза, приглашенія мастера для устройства огнеупорныхъ крышъ, прорытія канавъ для осушки улицъ, устройства съ той-же цѣлью гати, временнаго найма учителя для обученія подростковъ, устройства школы и т. д. Интересы эти до извѣстной степени будутъ удовлетворяться мелкой земской единицей, но она будетъ обращать главное вниманіе на нужды, общія цѣлому раіону, и поэтому едва-ли полезно препятствовать отдѣльнымъ поселкамъ принимать свои мѣры благоустройства путемъ спеціальной складки въ средѣ всѣхъ постоянныхъ жителей поселка, независимо отъ того, входятъ ли они или не входятъ въ составъ поземельнаго союза, принадлежатъ ли къ тому или другому сословію. Поэтому законъ, мнѣ кажется, долженъ предусмотрѣть возможность появленія такихъ организацій внутри мелкой земской единицы и, не дѣлая ихъ обязательными для населенія, ибо во многихъ случаяхъ, при маломъ развитіи общественнаго интереса, дѣятельность ихъ рядомъ съ поземельнымъ союзомъ и мелкой земской единицей оказалась бы лишенной содержанія,—предоставить населенію право соединяться въ союзы для завѣдыванія интересами благоустройства, проистекающими изъ факта совмѣстной жизни въ одномъ населенномъ пунктѣ. Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ съ сильно развитыми общественными интересами и достаточными средствами для ихъ удовлетворенія возникнетъ на ряду съ мелкой земской единицей, которая будетъ вѣдать интересы благоустройства цѣлаго прихода, волости и вообще округа, составляющаго извѣстную часть уѣзда,—другая организація того-же

земскаго всесословнаго характера, вѣдающая хозяйственныя дѣла на значительно меньшей территоріи, — въ предѣлахъ одного поселка.

Слѣдовательно, вся область хозяйственныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ нынѣ сословному крестьянскому управленію, распредѣляется по этой схемѣ между тремя организаціями: одной, частно правового по преимуществу характера, въ видѣ союза крестьянъ, имѣющихъ долю участія въ одной и той же надѣльной собственности, состоящей въ нераздѣльномъ владѣніи,—и двухъ организацій земскаго типа, вѣдающихъ интересы благоустройства въ предѣлахъ поселка и въ предѣлахъ извѣстной части уѣзда. Такъ какъ первый союзъ, обусловленный общностью владѣнія надѣльной землей, будетъ состоять не только изъ общинниковъ, но и изъ тѣхъ подворныхъ владѣльцевъ, у которыхъ нѣкоторыя угодья находятся въ нераздѣльномъ пользованіи, то терминомъ объемлющимъ могло бы быть названіе «поземельное общество», названія же двухъ земскихъ организацій представляются мнѣ въ видѣ «поселковое общество» и «земскій округъ».

Послѣдняя категорія обязанностей крестьянскаго общественнаго управленія обнимаетъ дѣла административныя, преимущественно полицейскаго и податного характера. Мѣстные Комитеты указываютъ, что всѣ эти дѣла не имѣютъ спеціально сословнаго значенія, а относятся къ области общаго управленія; между тѣмъ исполненіе ихъ возложено исключительно на крестьянъ и создаетъ для нихъ тяжелую, постоянно отрывающую отъ хозяйства, натуральную повинность; наряду съ этимъ отмѣчается, что крестьянскія должностныя лица лишены той подготовки и умѣнья, которыя необходимы для успѣшнаго отправленія административныхъ и въ особенности полицейскихъ обязанностей. Исходя изъ этихъ взглядовъ, мѣстные Комитеты высказываются за необходимость совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ несенія обязанностей полицейскихъ, податныхъ и вообще админи-

стративныхъ. Вопросъ о тѣхъ органахъ, которымъ надлежитъ передать эти дѣла, разрѣшается двояко: или проектируется возложить ихъ на указанную выше мелкую земскую единицу, которая именуется въ этихъ случаяхъ всесословной волостью, или же предполагается переложить всѣ крестьянскія административныя обязанности на правительственные органы.

Это послѣднее рѣшеніе вопроса едва-ли осуществимо въ полной мѣрѣ въ ближайшее время. Передача всѣхъ полицейскихъ и податныхъ обязанностей крестьянскаго общественнаго управленія въ вѣдѣніе правительственныхъ органовъ потребуетъ учрежденія значительнаго числа должностей низшихъ служащихъ, которые въ качествѣ правительственныхъ чиновъ не будутъ въ ближайшей связи съ мѣстнымъ населеніемъ въ лицѣ его выборныхъ земскихъ властей, а будутъ зависѣть исключительно лишь отъ своего начальства; послѣднее едва ли сможетъ осуществить тотъ постоянный мелочной надзоръ за дѣятельностью низшихъ полицейскихъ и податныхъ чиновъ, безъ котораго въ условіяхъ сельской жизни можетъ встрѣтиться слишкомъ мало препятствій для произвольныхъ дѣйствій такихъ лицъ. Расчитывать же на замѣщеніе этихъ низшихъ должностей людьми настолько культурными, что сознаніе долга могло бы устранить необходимость неослабнаго контроля, едва ли не преждевременно.

Поэтому мнѣ представляется, что низшая полицейская и податная служба въ сельскихъ мѣстностяхъ должна быть поставлена подъ извѣстный контроль мѣстнаго населенія въ лицѣ его общественныхъ организацій и выборныхъ властей. Хотя тотъ же принципъ положенъ въ основу нынѣ существующей сельской податной и полицейской службы, однако, соотвѣтственно пожеланіямъ большинства мѣстныхъ комитетовъ, необходимо внести въ это устройство весьма существенное измѣненіе: исполненіе полицейскихъ и подат-

ныхъ обязанностей не должно быть ни сословной, ни натуральной повинностью. Такимъ образомъ, все населеніе сельскихъ мѣстностей безъ различія сословій должно быть привлечено къ расходамъ на содержаніе такихъ должностей, и ихъ надлежитъ замѣщать наемными лицами, опредѣляемыми и увольняемыми исполнительными органами мѣстныхъ хозяйственныхъ организацій, вмѣсто существующаго нынѣ порядка замѣщенія по выбору крестьянскихъ обществъ, при томъ обязательному для избраннаго, что и устанавливаетъ тяжелую натуральную повинность строго сословнаго характера.

Намѣченная зависимость низшей полицейской власти отъ исполнительныхъ органовъ земства является тѣмъ болѣе соотвѣтственной, что для многихъ видовъ земской дѣятельности, напр., въ области полиціи медицинской, строительной, дорожной, пожарной и т. д., необходимы низшіе исполнители, обладающіе полицейской властью, и за отсутствіемъ ихъ земство вынуждено обращаться къ чинамъ общей и крестьянской полиціи.

Если бы изложенныя предположенія могли осуществиться, то крестьянское населеніе было бы освобождено отъ крайне тягостной натуральной повинности, отрывающей отъ хозяйства и зачастую, по мнѣнію комитетовъ, разстраивающей его. Цѣлый рядъ обязанностей, составляющихъ главное въ количественномъ отношеніи содержаніе административной дѣятельности крестьянскаго общественнаго управленія, а именно взиманіе окладныхъ сборовъ, взысканіе недоимокъ, объявленіе и исполненіе распоряженій правительственныхъ и земскихъ учрежденій, приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, врученіе повѣстокъ, вызовъ обывателей по требованію должностныхъ лицъ, розыски, дознанія, конвоированіе задержанныхъ, караулы, дежурства, встрѣчи и сопровожденія начальствующихъ лицъ и т. д.— все это, какъ и въ городскихъ мѣстностяхъ, не будетъ воз-

лагаться въ порядкѣ натуральной повинности на обывателей, а будетъ исполняться наемными лицами, добровольно принявшими на себя эти обязанности.

Прочія административныя функціи крестьянскаго общественнаго управленія, изъ коихъ важнѣйшія: сообщеніе статистическихъ свѣдѣній по требованіямъ всевозможныхъ вѣдомствъ, регистрація населенія, паспортное дѣло, обязанности по воинской и военно-конской повинностямъ, частью отошли бы къ тѣмъ же исполнительнымъ чинамъ, частью же къ органамъ уѣздной администраціи *). Весьма важное въ системѣ послѣдней учрежденіе земскихъ начальниковъ, будучи освобождено отъ обязанностей судебныхъ и по надзору за сословно-крестьянскимъ управленіемъ, могло бы обратиться въ чисто административный органъ, направляющій и объединяющій работу уѣздныхъ органовъ общей полиціи и земской стражи и наблюдающій за законностью дѣйствій мелкихъ земскихъ организацій.

Конечно, всѣ эти вопросы требуютъ весьма подробной разработки, выходящей изъ предѣловъ настоящаго принципіальнаго обсужденія дѣла, и разрѣшеніе ихъ намѣчается мною въ основныхъ чертахъ лишь съ той цѣлью, дабы указать возможность практическаго осуществленія выставленнаго мѣстными комитетами принципа о необходимости освободить крестьянъ отъ сословной натуральной повинности по исполненію обязанностей общаго управленія — повинности тяжелой и нерѣдко разорительной для нашего земледѣльческаго населенія и не дающей вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворительнаго состава низшей администраціи въ сельскихъ мѣстностяхъ.

---

*) Обязанности судебнаго характера—семейные раздѣлы и нотаріальное дѣло—къ низшему суду.

Переходя къ вопросу о томъ, какъ нормировать частноправовыя отношенія крестьянъ, нельзя не обратить вниманія, что почти всѣ Комитеты высказываются за замѣну обычая писаннымъ правомъ; при этомъ незначительное меньшинство проектируетъ порайонную кодификацію обычнаго права, а подавляющее большинство настойчиво указываетъ на необходимость устранить правовую обособленность крестьянъ и нормировать ихъ имущественныя отношенія общегражданскимъ закономъ. По моему представленію, дѣйствіе обычая, какъ источника права, можетъ быть только второстепеннымъ и строго ограниченнымъ. Нельзя не согласиться съ указаніемъ большинства Комитетовъ, что правовая жизнь нашего крестьянства совершенно не благопріятствовала выработкѣ самобытныхъ обычно правовыхъ нормъ. До освобожденія половина крестьянства руководилась въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ волей помѣщика и его управителей, а другая половина —государственные крестьяне—была подчинена общему суду, и тяжбы ихъ разбирались на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ (т. X ч. 2, изд. 1857 г., ст. 921); одни лишь маловажныя дѣла, до 15 руб., были подвѣдомственны волостнымъ расправамъ. Послѣ освобожденія, для примѣненія обычая волостными судами были установлены извѣстные предѣлы, значительно расширенные только пятнадцать лѣтъ тому назадъ; но и въ этихъ рамкахъ, опредѣленныхъ стоимостью иска, обычай примѣнялся въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ тяжущіяся стороны подвѣдомственны сословному суду; внѣ этого—при договорныхъ отношеніяхъ съ лицами, неподвѣдомственными этому суду, въ обстановкѣ городской жизни, въ промышленной и торговой дѣятельности, крестьяне опять-таки подчинялись общегражданскому закону, независимо отъ стоимости спорныхъ правъ. За всѣмъ тѣмъ въ той несомнѣнно обширной области, гдѣ обычай признавался въ послѣднее время источникомъ права, примѣненіе

·его было ввѣрено такому составу суда, который далеко не обезпечивалъ безпристрастнаго отношенія къ дѣлу, какъ это видно изъ безотрадной картины волостной юстиціи, нарисованной мѣстными Комитетами. Понятно, что при такихъ условіяхъ обычаемъ покрывалось неправосудіе, и нисколько не удивительно, что въ одномъ и томъ же судѣ на протяженіи самаго короткаго времени примѣняются къ тождественнымъ дѣламъ прямо противоположные «обычаи». Поэтому нельзя не повѣрить утвержденію большинства мѣстныхъ Комитетовъ, что за истекшій со времени освобожденія періодъ крестьянская среда постепенно проникалась началами общегражданскаго права, обычаи же, если они и существовали, забыты населеніемъ и, во всякомъ случаѣ, затемнены практикой волостныхъ судовъ.

Подобнаго рода выводъ, казалось бы, не вяжется съ тѣмъ фактомъ, что крестьянское обычное право было предметомъ научныхъ изслѣдованій, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, выяснили извѣстныя основныя начала этого права, особенно въ области вещнаго и наслѣдственнаго. Однако, если бы пришла мысль воспользоваться выведенными этимъ путемъ обычно-правовыми принципами и построить на нихъ систему писаннаго права, предназначеннаго для крестьянской среды, то я не могъ бы привѣтствовать такую мысль. Вѣдь нельзя же упускать изъ виду, что фактическій матеріалъ, который лежитъ въ основѣ всей этой литературы, исчерпывается отдѣльными ограниченными по времени и пространству, наблюденіями и только однимъ массовымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ 15 губерніяхъ надъ рѣшеніями волостныхъ судовъ конца шестидесятыхъ и самаго начала семидесятыхъ годовъ*). Но это время относится къ началу самостоятельной экономической жизни нашего крестьянства; все его иму-

*) Изслѣдованіе это, какъ извѣстно, было произведено Коммиссіею Сенатора Любощинскаго, и всѣ выдающіяся работы по обычному праву основаны именно на добытомъ этой Коммисіей матеріалѣ.

щество заключалось въ надѣльной землѣ, которая была обременена выкупнымъ долгомъ или оброкомъ въ размѣрахъ, превышавшихъ обыкновенно ея цѣнность и рентабельность. Повсюду въ округѣ можно было арендовать землю дешевле, чѣмъ платить за надѣльную и, какъ извѣстно, вплоть до восьмидесятыхъ годовъ среди крестьянъ наблюдалось сильное стремленіе бросить надѣлъ; во многихъ районахъ происходило массовое бѣгство съ земли, и для удержанія на ней необходимы были тѣ мѣры прикрѣпленія, которыя, скрѣпя сердце, допустили Редакціонныя Коммисіи и которыя, къ сожалѣнію, сохранились и по нынѣ. Такимъ образомъ, владѣніе надѣломъ не имѣло основного признака имущественнаго права — его цѣнности, а имѣло рѣзко выраженный характеръ обязанности—тягла, несеніе коего обезпечивалось принудительными мѣрами: прикрѣпленіемъ къ землѣ и круговой порукой. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить объ обычаяхъ въ вещномъ, обязательственномъ и наслѣдственномъ правѣ: вѣдь объектомъ всѣхъ этихъ правъ должно быть имущество, представляющее цѣнность, а въ крестьянскомъ быту существовало только обязательство публично-правового характера. Все сводилось къ обезпеченію этого обязательства общей отвѣтственностью рабочихъ союзовъ — міра и двора, и вполнѣ естественно, что въ то время юридическая природа владѣнія основывалась на началахъ коллективныхъ и трудовыхъ.

Но можно ли основываться на порядкахъ несенія тягла за коллективной отвѣтственностью рабочихъ союзовъ, на условіяхъ прижизненнаго и посмертнаго перехода этого тягла, иначе говоря—на пріемахъ, обезпечивающихъ исправное его выполненіе, и на этихъ началахъ конструировать вещное право, институты даренія, выдѣла, продажи, завѣщанія, наслѣдованія и т. д. Въ моемъ убѣжденіи это было бы неблагодарной задачей, ибо въ настоящее время экономическій бытъ крестьянъ совершенно измѣнился: теперь

надѣлъ представляетъ серьезную цѣнность и, слѣдовательно, сдѣлался объектомъ гражданскаго права, чего не было или было сравнительно рѣдко въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, къ каковому времени относятся фактическія данныя, собранныя единственнымъ массовымъ обслѣдованіемъ крестьянскихъ обычаевъ *).

И дѣйствительно, мѣстные комитеты неуклонно указываютъ, что въ настоящее время въ крестьянской средѣ твердо укоренились совершенно иныя начала—тождественныя съ общегражданскими принципами: крестьяне прекрасно сознаютъ, что ихъ право на надѣльную землю является цѣннымъ имущественнымъ правомъ, они уже не допускаютъ мысли о безвозмездной уступкѣ его обществу при увольненіи; комитеты указываютъ цѣлый рядъ пріемовъ, съ помощью коихъ крестьяне стремятся обезпечить договорныя отношенія, объектомъ коихъ является надѣлъ; точно также вкоренились убѣжденія о правѣ завѣщанія его, о наслѣдственномъ правѣ, основанномъ на родственной близости, независимо отъ трудового начала; наконецъ, всѣ эти правоотношенія проникнуты сознаніемъ индивидуальности права. Послѣднее, т. е. стремленіе къ индивидуализаціи права, замѣчено было уже указаннымъ выше массовымъ обслѣдованіемъ рѣшеній волостныхъ судовъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ и нынѣ получило широкое распространеніе.

Все это вполнѣ понятно: каждый, кто имѣетъ долгъ, охотно согласиться на коллективную отвѣтственность, приметъ поручителей и отвѣтчиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ о дарственномъ или возмездномъ отчужденіи долга, о завѣщаніи его, о наслѣдственныхъ на него правахъ не можетъ быть

*) Въ большинствѣ изъ обслѣдованныхъ 15 губерній превышеніе выкупной стоимости земли надъ дѣйствительной было настолько велико, что даже къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда доходность и цѣнность земли значительно повысились, превышеніе это все же составляло отъ 5 до 68% дѣйствительной стоимости.

рѣчи, ибо это—обязанность, а не право; съ другой стороны, каждый, кто имѣетъ имущественное право, будетъ стремиться къ полному обладанію имъ безъ соучастниковъ, къ извлеченію соотвѣтственной выгоды въ случаѣ отказа отъ него, къ посмертной передачѣ его близкимъ по крови или привязанностямъ лицамъ. Все это слишкомъ по-человѣчески, и, конечно, обычаи крестьянъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда надѣльное владѣніе являлось тягломъ, и теперь, когда оно имущественное право,—совершенно различны.

Въ настоящее время, по утвержденію подавляющаго большинства мѣстныхъ комитетовъ, эти обычаи проникнуты началами общегражданскаго права, прочно установившимися въ народномъ правосознаніи. Поэтому какое-либо построеніе на основаніи данныхъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ представляется мнѣ весьма сомнительнымъ по его пригодности для нормированія современныхъ крестьянскихъ правоотношеній.

Засимъ, если не довѣрять свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ и признавать ихъ пожеланія о распространеніи на крестьянъ общегражданскаго права необоснованными, то единственнымъ съ моей точки зрѣнія выходомъ было бы вновь произвести широкое обслѣдованіе крестьянскаго обычнаго права, дабы этимъ путемъ установить тѣ начала, на которыхъ возможно построить систему спеціально крестьянскаго гражданскаго права. Сомнѣваюсь, однако, чтобы при всѣхъ указанныхъ выше условіяхъ, содѣйствовавшихъ проникновенію въ крестьянскую среду общегражданскихъ началъ и препятствовавшихъ выработкѣ и укорененію обычныхъ нормъ, выводы разошлись бы со взглядомъ Комитетовъ, въ составъ коихъ входило столь значительное число лицъ, близко ознакомленныхъ по своей службѣ и дѣятельности съ крестьянскимъ правопорядкомъ. Если въ результатѣ обработки того противорѣчиваго матеріала, который

будетъ полученъ изъ каждаго волостного суда, и удастся отдѣлить истинные обычаи отъ мотивовъ неправосудныхъ рѣшеній, и если въ этихъ истинныхъ обычаяхъ и окажутся какія-либо начала, отличныя отъ общегражданскихъ, то едва ли такіе обычаи могутъ имѣть общее значеніе и послужить основаніемъ для созданія нормъ писаннаго права, пригодныхъ для всего крестьянства. Это будетъ своего рода средняя величина, не отвѣчающая ни одной изъ конкретныхъ, на основаніи коихъ она выведена, и пригонять къ такимъ нормамъ правовую жизнь крестьянства въ то время, когда она быстро сближается съ общимъ для остального населенія гражданскимъ порядкомъ, едва ли правильно съ точки зрѣнія государственной политики, постоянной цѣлью которой было объединеніе, а не разъединеніе. Такой объединительной цѣли отвѣчалъ бы только гражданскій законъ общій для всего населенія. Онъ является могучимъ средствомъ, связующимъ все населеніе страны и укрѣпляющимъ государственное единство. Такъ смотритъ наука, и этотъ взглядъ подтверждается исторіей культуры всѣхъ могущественныхъ странъ.

Я, впрочемъ, не сомнѣваюсь, что указанное разслѣдованіе выяснитъ существованіе и въ настоящее время чисто мѣстныхъ обычаевъ, болѣе или менѣе отличныхъ отъ общегражданскихъ началъ. Въ особенности это возможно, если разслѣдованіе не ограничится противорѣчивой и неправосудной практикой волостныхъ судовъ, а прибѣгнетъ и къ инымъ пріемамъ выясненія, ибо наиболѣе устойчивы, конечно, тѣ обычаи, которые соблюдаются населеніемъ безъ принужденія къ тому судомъ и, слѣдовательно, рѣдко до него доходятъ. Однако, существованіе такихъ мѣстныхъ обычаевъ, по моему мнѣнію, не можетъ служить препятствіемъ къ распространенію на крестьянъ общегражданскаго права. Нельзя же смотрѣть на послѣднее, какъ на систему нормъ, принуждающихъ гражданъ опредѣлять свои частно-правовыя

отношенія непремѣнно такъ, а не иначе. Напротивъ того, совершенная система гражданскаго права даетъ очень широкія рамки, въ которыя отношенія укладываются соотвѣтственно доброй волѣ и особенностямъ даннаго конкретнаго случая. Гражданское право изобилуетъ такъ называемыми дозволительными нормами, на примѣненіи коихъ законъ нисколько не настаиваетъ, а только предлагаетъ извѣстное опредѣленіе и имѣетъ въ виду, что, если граждане не сдѣлаютъ никакого постановленія относительно своихъ юридическихъ отношеній, то, значитъ, хотятъ подчиниться закону, примѣнить его къ себѣ.

Въ противоположность этому, построеніе крестьянскаго права на началахъ тягловаго періода ихъ правоотношеній неизбѣжно выразится въ многочисленномъ рядѣ нормъ повелительнаго и запретительнаго характера: такова ужъ природа этихъ началъ, ибо всѣ они касаются не правъ, а публично-правовой обязанности, которая, какъ и всякая обязанность, регламентируется принудительными нормами.

При современномъ положеніи крестьянскаго экономическаго быта подобная принудительность нормъ внесетъ чрезвычайное стѣсненіе въ область хозяйственной самодѣятельности и иниціативы, между тѣмъ какъ общее гражданское право дастъ необходимый для нихъ просторъ, и въ этихъ предѣлахъ свободно умѣстятся многіе изъ дѣйствительно существующихъ обычаевъ. Предположеніе это подтверждается исторіей другихъ цивилизованныхъ странъ, а у насъ—примѣромъ Царства Польскаго, гдѣ частно-правовыя отношенія всего крестьянства улеглись въ рамкахъ Наполеоновскаго кодекса безъ иныхъ послѣдствій, кромѣ самыхъ положительныхъ. Труды сельскохозяйственныхъ комитетовъ по Привислинскому краю не только подтверждаютъ это обстоятельство, но и содержатъ весьма характерныя для даннаго случая указанія, что немногія отличія отъ общаго права, установленныя для мѣстныхъ крестьянъ,

имѣютъ отрицательное въ экономическомъ отношеніи вліяніе.

Высказываясь за пріобщеніе крестьянъ къ общегражданскому праву, я вовсе не склоненъ думать, что дѣйствующій законъ (I ч. X тома) можетъ обнять всѣ рѣшительно правоотношенія въ крестьянской средѣ. Съ одной стороны, этотъ законъ, отвѣчающій, по моему мнѣнію, порядку подворнаго и усадебнаго владѣнія, не предусматриваетъ условій уравнительнаго пользованія полевой землей. Съ другой стороны, нѣкоторыя изъятія изъ общегражданскаго права въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно существуютъ нормы обычнаго отличающіяся отъ нормъ общаго (преимущественно въ наслѣдственномъ правѣ, какъ указывается въ средѣ комитетовъ), представляются мнѣ необходимыми. Но такими частичными и, какъ мнѣ думается, временными исключеніями отнюдь не нарушается тотъ основной принципъ объединенія всего населенія однимъ гражданскимъ закономъ, который долженъ быть въ виду при пересмотрѣ каждаго законодательнаго опредѣленія, касающагося крестьянъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы обычай былъ дѣйствительно источникомъ права, а не источникомъ произвола, я считаю совершенно необходимымъ, во-первыхъ, точно опредѣлить въ законѣ случаи и условія примѣненія обычая и, во-вторыхъ, подвергнуть его всестороннему изслѣдованію и впослѣдствіи, если это изслѣдованіе дастъ что-либо положительное, ввести необходимѣйшія нормы обычнаго права въ законъ.

Остается, однако, вопросъ, не слѣдуетъ ли выждать законодательнаго утвержденія проекта гражданскаго уложенія и распространить на крестьянъ болѣе совершенную систему гражданскаго права, чѣмъ нынѣ дѣйствующая. Конечно, такое право было бы предпочтительнѣе, но пока оно не выразилось въ формѣ кодекса, нѣтъ основанія отказывать крестьянамъ въ дѣйствующемъ, которымъ пользуемся всѣ мы. Я, по крайней мѣрѣ, полагаю, что и I часть X тома

оказала бы существенную услугу въ дѣлѣ упорядоченія крестьянскихъ правоотношеній. Вѣдь въ настоящее время, по свидѣтельству мѣстныхъ Комитетовъ, матеріальное гражданское право, примѣняемое крестьянскими судами, лишено всякой опредѣленности, между тѣмъ первая часть X тома несомнѣнно, внесла-бы извѣстную устойчивость во многія частноправовыя отношенія крестьянъ. Къ тому же недостатки дѣйствующаго общегражданскаго закона—главнымъ образомъ его неполнота—исправлены во многихъ отношеніяхъ кассаціонной практикой, доступной пониманію образованнаго судьи.

Конечно, если сельская юстиція будетъ оставлена въ рукахъ малограмотныхъ крестьянъ, то и распространеніе общегражданскаго закона не принесетъ возможной пользы. Придется, быть можетъ, подумать о популяризаціи этого закона. Однако, я рѣшительно высказываюсь противъ такого рѣшенія вопроса. Популяризація сведется къ замѣнѣ общихъ положеній конкретными, болѣе доступными пониманію, но вмѣстѣ съ тѣмъ упускающими цѣлый рядъ частныхъ случаевъ, которые можетъ выдвинуть жизнь. Къ тому же если и удастся «опростить» законъ безъ особаго ущерба для его приложенія, то едва ли возможно существенно сократить то значительное число статей, которое неизбѣжно въ гражданскомъ кодексѣ. Способенъ ли, однако, волостной судъ оріентироваться во многихъ сотняхъ этихъ статей, когда, по свидѣтельству мѣстныхъ Комитетовъ, онъ затрудненъ даже тѣми немногими опредѣленіями матеріальнаго и процессуальнаго права, которыя ему нынѣ преподаны, и разбирается въ нихъ лишь при помощи писаря. Пожалуй, самъ писарь окажется безпомощнымъ.....

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и въ связи съ изложеннымъ выше взглядомъ на организацію низшаго суда, я присоединяюсь къ мнѣнію большинства мѣстныхъ Комитетовъ о необходимости устранить существующую нынѣ рѣзкую обособленность крестьянъ въ сферѣ гражданскаго права.

Я только вкратцѣ остановлюсь на слѣдующемъ вопросѣ, касающемся уголовнаго права, ибо въ той части, которая имѣла наибольшее значеніе, онъ уже разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Засимъ въ томъ положеніи, что проступки крестьянъ караются нѣсколько слабѣе, чѣмъ прочихъ сословій, я не вижу особой пользы для крестьянъ, и, конечно, съ точки зрѣнія принципа равной для всѣхъ отвѣтственности передъ закономъ, провозглашеннаго еще Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича, такое положеніе едва-ли желательно сохранять; тѣмъ менѣе, конечно, справедливо сохраненіе уголовной отвѣтственности крестьянъ за дѣянія, которыя для другихъ сословій или совершенно ненаказуемы, или влекутъ только гражданскую отвѣтственность (нарушеніе условій сельскохозяйственнаго найма, мотовство, пьянство).

По поводу слѣдующаго вопроса — объ уравнительномъ землепользованіи — все сводится къ тому, искупаются-ли его несомнѣнные недостатки тѣми положительными сторонами, которыя привлекали столь сильныя симпатіи нѣкоторой части нашего общества.

Дабы освѣтить этотъ вопросъ, необходимо вспомнить, что преклоненіе передъ общиной, предшествовало ея изученію. Только въ девятидесятыхъ годахъ, когда община имѣла уже за собой широкое литературное признаніе, выражавшееся нерѣдко въ формѣ самой убѣжденной апологіи, только въ это время стали проникать въ общество результаты массового обслѣдованія общинныхъ порядковъ, произведеннаго земствомъ. Съ другой стороны, оцѣнка основного, съ точки зрѣнія теоретической, преимущества этихъ порядковъ, а именно предупредительнаго ихъ вліянія на развитіе пролетаріата, могла быть сдѣлана только по истеченіи достаточнаго времени съ того дня, когда крестьяне были

освобождены съ землей. Такимъ образомъ только въ самое послѣднее время возможно было сопоставить теорію съ дѣйствительностью, что и отразилось какъ въ литературѣ, такъ и въ общественномъ мнѣніи замѣтнымъ разочарованіемъ въ прежнихъ взглядахъ и надеждахъ на общину.

И я тоже не вижу реальныхъ основаній, чтобы ихъ сохранять: особенно на меня вліяетъ то обстоятельство, что значительное большинство мѣстныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ, высказалось въ Комитетахъ противъ общины и подкрѣпило свое мнѣніе весьма доказательными соображеніями и фактическими данными.

Въ полную противоположность общеизвѣстнымъ теоретическимъ взглядамъ Комитеты доказываютъ, что община не предупреждаетъ развитія пролетаріата, а ведетъ къ постепенной общей пролетаризаціи населенія;—что право каждаго рождающагося на одинаковое съ другими земельное обезпеченіе ведетъ къ быстрому измельчанію отдѣльныхъ владѣній; повсемѣстно указывается, что надѣлъ не въ состояніи ни прокормить, ни занять рабочихъ рукъ живущей на немъ семьи; уже во многихъ мѣстностяхъ измельчаніе владѣній отдѣльныхъ хозяйствъ заставляетъ вспомнить образное выраженіе объ обращеніи земли въ пыль; въ недалекомъ будущемъ, согласно приводимымъ разсчетамъ, явленіе это получитъ широкое распространеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстные Комитеты настойчиво утверждаютъ, что временность владѣнія является неодолимымъ препятствіемъ для улучшенія земельной культуры. Возможное въ теоріи вознагражденіе за улучшенія на участкѣ временнаго пользованія оказывается неосуществимой мечтой въ условіяхъ общиннаго быта. Въ дѣйствительности, по свидѣтельству Комитетовъ, временность владѣнія воспитываетъ самые хищническіе пріемы эксплоатаціи земли: все сводится къ тому, чтобы «спахать побольше, хотя и какъ-нибудь»; нерасчетливой распашкой уничтожаются кормовыя угодья, а тѣ,

что остаются, лишены всякаго ухода, и необходимое для успѣшнаго хозяйства соотношеніе площади кормовой и пахотной нарушается въ угрожающей прогрессіи. Въ результатѣ хищническихъ пріемовъ хозяйства въ составѣ надѣла съ каждымъ годомъ увеличивается пространство неудобныхъ земель въ видѣ заболоченныхъ или заиленныхъ луговъ, истощенныхъ и обратившихся въ пустыри пашенъ, разъѣденныхъ оврагами склоновъ балокъ, обнаженныхъ пахотой песковъ, заросшихъ порослью и мхомъ сѣнокосовъ и пастбищъ и т. д.

Совокупность очерченныхъ условій приводитъ Комитеты къ убѣжденію, что дальнѣйшее существованіе уравнительныхъ порядковъ поведетъ къ массовой пролетаризаціи населенія. Въ видѣ доказательства приводятся фактическія данныя, свидѣтельствующія, что сельскій пролетаріатъ въ мѣстностяхъ общиннаго землепользованія представляется уже обычнымъ явленіемъ.

Раздѣляя въ извѣстной мѣрѣ указанныя опасенія, я, однако, думаю, что здравый смыслъ нашего народа побудитъ его отказаться отъ организаціи, едва ли пригодной въ иныхъ условіяхъ, какъ только при земельномъ просторѣ и дѣвственной почвѣ. По крайней мѣрѣ фактическія данныя послѣдняго времени указываютъ на существованіе обширныхъ районовъ, гдѣ община совершенно прекратила уравнительные порядки.

По поводу послѣдняго обстоятельства не могу не замѣтить, что и тѣ пріемы, которые признаются защитниками общины за прогрессивныя въ хозяйственномъ отношеніи явленія, въ сущности наносятъ серьезный ущербъ уравнительному принципу и представляютъ ничто иное, какъ постепенное самоупраздненіе общины.

Кромѣ взгляда на общину какъ наиболѣе дѣйствительную гарантію отъ пролетаріата, высказывалось убѣжденіе, что эта форма землепользованія представляетъ ближай-

шую ступень къ тѣмъ кооперативнымъ союзамъ, въ развитіи коихъ западно-европейская наука видитъ разрѣшеніе многихъ современныхъ экономическихъ вопросовъ. Однако мѣстные Комитеты справедливо указываютъ, что основаніемъ земледѣльческихъ кооперацій, уже появляющихся на западѣ, является твердое право собственности, опредѣленная доля участія въ доходахъ соотвѣтственно размѣрамъ владѣнія и вложеннаго капитала, свобода вступленія и выхода изъ союза, и, наконецъ, сознательное чувство общности экономическихъ интересовъ, возможное лишь въ условіяхъ высокой культурности, развитой самодѣятельности и правовой гарантіи имущественныхъ интересовъ. Между тѣмъ всѣ эти условія совершенно отсутствуютъ при уравнительномъ землепользованіи. По мнѣнію Комитетовъ, предметъ общаго владѣнія въ крестьянской средѣ является не источникомъ выгодъ, а источникомъ споровъ, розни и экономической неурядицы. «Какъ ни парадоксально, говорится въ трудахъ Комитетовъ, а приходится сказать, что общинное владѣніе менѣе всего воспитываетъ общественныя чувства; напротивъ того, порождаетъ скорѣй эгоизмъ и, что еще хуже, индифферентное почти апатичное отношеніе къ дѣлу», вообще «общинное землепользованіе не соотвѣтствуетъ формамъ свободнаго труда и свободныхъ рабочихъ кооперацій, оно—врагъ всякой свободной ассоціаціи». И дѣйствительно, надежды на развитіе кооперативныхъ началъ, заложенныхъ будто бы въ общинѣ, совершенно не оправдались, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени.

Я вполнѣ присоединяюсь къ взгляду Комитетовъ, что кооперативные союзы возможны только на почвѣ твердаго личнаго права собственности и развитой гражданственности. Въ порядкѣ эволюціонномъ общинное землепользованіе составляетъ одну изъ первичныхъ ступеней, естественную и даже полезную въ условіяхъ примитивнаго земледѣлія, и не-

развитого гражданскаго строя, неспособнаго обезпечить индивидуальныя права. Это доказано историческими изысканіями, и въ настоящее время даже самые убѣжденные защитники этой формы землепользованія отказались отъ мысли, что она составляетъ нашу національную особенность. Въ послѣдующей стадіи появляется право личной собственности на землю и только, когда оно окрѣпнетъ, когда оно сдѣлается «незыблемымъ и священнымъ» въ правосознаніи каждаго, только тогда являются благопріятныя условія для группировки собственниковъ въ союзы, объединяющіе и экономизирующіе трудъ по извлеченіи выгодъ изъ правъ, но отнюдь не упраздняющіе ихъ индивидуальной принадлежности. Такимъ образомъ община и кооперативный союзъ рѣзко отличаются другъ отъ друга по своей экономической и правовой структурѣ и раздѣлены цѣлымъ историческимъ періодомъ, миновать который можетъ идеологія, но не дѣйствительность. Если и признавать въ нихъ нѣкоторое сходство, то только внѣшнее, какъ дикаго плода съ культурнымъ, которые могутъ быть иногда сходны.

Нельзя не отмѣтить еще большаго внѣшняго сходства общины съ тѣми экономическими стадіями, которыхъ не существуетъ въ дѣйствительности, но которыя заняли прочное мѣсто въ теоретическихъ построеніяхъ соціализма и коммунизма. Несомнѣнно община имѣетъ такое сходство съ идеаломъ этихъ ученій—общностью средствъ производства, и, по мнѣнію профессора Чичерина, это сходство доставило общинѣ очень много поклонниковъ (Государственная наука т. III стр. 358, 359). По моему убѣжденію, общественное устройство, проповѣдуемое этими ученіями, совершенно несовмѣстимо съ гражданской и экономической свободой и убило бы всякую хозяйственную самодѣятельность и предпріимчивость; не могу вмѣстѣ съ тѣмъ не согласиться съ авторитетнымъ мнѣніемъ названнаго ученаго, что уравнительные порядки расшатываютъ понятіе о твердости и не-

прикосновенности правъ собственности и «представляютъ самое удобное поприще для распространенія соціалистическихъ понятій». Тотъ же взглядъ высказывается и въ средѣ мѣстныхъ комитетовъ.

Наконецъ, третье основное преимущество общины, указываемое теоріей, это—сохраненіе земли въ рукахъ мелкихъ собственниковъ и невозможность обращенія ея въ латифундіи. Дѣйствительность свидѣтельствуетъ, что въ нашей западной Россіи, гдѣ капиталистическая энергія значительно выше, чѣмъ въ остальной, крестьянское подворное владѣніе не даетъ никакихъ признаковъ неустойчивости и тенденціи къ сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ; наоборотъ, по свидѣтельству мѣстныхъ Комитетовъ, въ общинной средѣ происходитъ дифференціація: большинство бѣднѣетъ, а самая незначительная часть богатѣетъ путемъ хищнической эксплоатаціи земли и своихъ однообщественниковъ и сосредоточиваетъ въ однѣхъ рукахъ значительную и лучшую часть надѣла. Независимо сего, нельзя же упускать изъ виду, что охрана мелкой собственности успѣшно достигается нѣкоторыми мѣрами изъятія ея отъ отвѣтственности по обязательствамъ владѣльца, сословной замкнутостью, предѣльной нормой сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ, организаціей льготнаго сельскохозяйственнаго кредита, т. е. мѣрами несомнѣнно болѣе дѣйствительными и неизмѣримо менѣе стѣснительными и вредными, чѣмъ періодическое уравненіе земельнаго владѣнія.

Сопоставивъ съ точки зрѣнія теоріи и дѣйствительности важнѣйшія положительныя стороны общины и отсылая въ отношеніи подробностей къ трудамъ мѣстныхъ комитетовъ, я не нахожу нужнымъ говорить о многочисленныхъ недостаткахъ уравнительнаго землепользованія, подробно разсмотрѣнныхъ въ названныхъ трудахъ. Я повторю только выводъ, быть можетъ и крайній, мѣстныхъ комитетовъ, что «этотъ порядокъ землепользованія убиваетъ основной сти-

мулъ всякой матеріальной культуры—сознаніе и увѣренность, что результатомъ работы воспользуется самъ трудившійся или близкія ему по крови и привязанностямъ лица; такой увѣренности не можетъ быть у общинниковъ, вслѣдствіе временности владѣнія и зависимости отъ большинства $^2/_3$ домохозяевъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые запустили хозяйство по неумѣнію, лѣности и нерадѣнію, и которые или стремятся поживиться за счетъ болѣе хозяйственныхъ, пустивъ ихъ наземныя полосы въ передѣлъ, или являются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ кулаковъ. Это большинство, отъ котораго зависитъ не только право владѣнія отдѣльныхъ крестьянъ, но и порядокъ пользованія, является по самому существу своему коснымъ, а иногда прямо регрессивнымъ. При такихъ условіяхъ хозяйственный расчетъ, предпріимчивость и энергія отдѣльныхъ лицъ безцѣльны и въ большинствѣ случаевъ даже неприложимы. Эти главнѣйшіе двигатели всякой матеріальной культуры встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе въ условіяхъ общиннаго строя. Поэтому въ крестьянской средѣ развиваются апатичное и небрежное отношеніе къ своему хозяйству, лѣность, наклонность къ праздности и пьянству; наряду съ этимъ неустойчивость наиболѣе жизненныхъ для крестьянъ правъ земельнаго владѣнія, зависимость ихъ отъ произвола случайно составившагося большинства голосовъ, воспитываютъ неуваженіе къ чужимъ правамъ и порождаютъ взаимное между членами общины недовѣріе, а иногда и острую вражду».—Полагая, что отрицательная оцѣнка уравнительныхъ порядковъ выражается приведенными словами въ крайней степени, не отвѣчающей несомнѣнному факту нѣкотораго улучшенія сельскозяйственной культуры въ мѣстностяхъ общиннаго землепользованія, не могу не признать, что порядки эти являются, во всякомъ случаѣ, серьезнымъ тормазомъ культуры.

Высказываясь принципіально противъ уравнительнаго

землепользованія, я вмѣстѣ съ тѣмъ признаю, что, при неистощенной почвѣ, примитивной культурѣ и дешевизнѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, общинное землепользованіе можетъ быть выгоднымъ для крестьянъ. Однако судить объ этомъ ближе всего имъ же, и поэтому я присоединяюсь къ взгляду Редакціонныхъ Коммисій, работавшихъ надъ вопросомъ освобожденія крестьянъ, что не слѣдуетъ ни понуждать къ переходу въ личное владѣніе, ни препятствовать. Община должна быть въ полномъ смыслѣ слова неприкосновенной, и этотъ принципъ, провозглашенный Высочайшей волей, одинаково нарушался-бы какъ принудительнымъ воздѣйствіемъ къ переходу въ личное владѣніе, такъ и искусственнымъ поддержаніемъ общины.

Исходя изъ указаннаго принципа, я нахожу, что община должна быть союзомъ добровольнымъ, а не принудительнымъ. Отдѣльныхъ крестьянъ нельзя насильственно удерживать въ условіяхъ общиннаго землепользованія и необходимо вернуть имъ право свободнаго выхода съ выдѣломъ своего надѣла въ подворное пользованіе, предоставленное Положеніемъ 19 Февраля 1861 года и только впослѣдствіи отмѣненное. При этомъ условіи отпадаетъ необходимость чрезмѣрной регламентація общинной жизни, которая точно также не допускалась Положеніемъ и существуетъ въ настоящее время благодаря правиламъ о передѣлахъ и предоставленному учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ праву контролировать и отмѣнять любой приговоръ сельскаго схода.

Насколько эта регламентація не достигаетъ цѣли, подробно указано въ трудахъ мѣстныхъ Комитетовъ; достаточно вспомнить, что правила о передѣлахъ, имѣвшія цѣлью устранить слишкомъ частое поравненіе земли, вызвали общіе коренные передѣлы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ никогда ранѣе не было, и привели къ крайней неустойчивости правъ пользованія въ другихъ мѣстностяхъ,

гдѣ общинники не могутъ прійти къ соглашенію о передѣлѣ на тѣхъ основаніяхъ, которыя признаны этими правилами обязательными: въ этомъ случаѣ споры объ условіяхъ новой разверстки тянутся годами, и передѣла можно ожидать каждую минуту.

Вообще эта регламентація и дискреціонное право вмѣшательства въ хозяйственную жизнь общины, предоставленное земскимъ начальникамъ, съ моей точки зрѣнія, въ корнѣ противорѣчитъ Высочайшему предуказанію о «неприкосновенности общины» и совершенно лишаетъ ее свойствъ частно-правового союза. При современномъ положеніи она имѣетъ многія черты публично-правовой организаціи, невольно напоминающія о военныхъ поселеніяхъ.

Несомнѣнно, однако, что, если община будетъ избавлена отъ принудительныхъ нормъ, регламентирующихъ ея жизнь, и будетъ возстановлена въ томъ видѣ, какъ она признана Положеніемъ 19 Февраля 1861 г., то въ очень многихъ мѣстностяхъ слѣдуетъ ожидать прекращенія уравнительныхъ порядковъ и перехода къ подворному пользованію. Сознавая это, защитники общиннаго землепользованія возстаютъ противъ мысли о возвращеніи крестьянамъ права выдѣлять свой надѣлъ въ подворное пользованіе помимо согласія міра. По ихъ мнѣнію, это было бы искусственнымъ разрушеніемъ общины. Я, однако, держусь того взгляда, что если община прекращаетъ свое существованіе вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ ея членовъ къ личному владѣнію, то это явленіе естественное, и, наоборотъ, «прегражденіе крестьянамъ пути къ общему и отдѣльному выходу изъ общиннаго порядка есть искусственное покровительство системѣ общиннаго владѣнія», какъ это признавали Редакціонныя Коммисіи (Мат. Ред. Ком. т. XII, Юрид. Отд., стр. 28).

Вопросъ о такой свободѣ выхода изъ общиннаго землепользованія представляется мнѣ основнымъ въ области упо-

рядоченія крестьянскаго землепользованія. Положеніемъ 1861 года онъ разрѣшался для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ томъ смыслѣ, что каждый домохозяинъ имѣлъ право, не испрашивая согласія міра, погасить выкупной долгъ по своему надѣлу и, совершивъ это, получалъ право требовать отъ общества выдѣла соотвѣтственнаго своей долѣ участка, по возможности, къ одному мѣсту, а впредь до выдѣла продолжалъ пользоваться землей въ прежнемъ мѣстѣ, въ составѣ мірского надѣла. Этотъ порядокъ, установленный извѣстной 165 ст. Пол. Вык., былъ измѣненъ въ 1893 г., и выдѣлъ, а равно и самыя условія выкупа поставлены въ полную зависимость отъ доброй воли міра.

Такъ какъ приведенная 165 ст. Пол. Вык. давала право требовать выдѣла къ одному мѣсту, но не указывала способовъ осуществленія этого права, то на практикѣ крестьяне, выкупившіе свой надѣлъ, оставались обыкновенно при своихъ прежнихъ участкахъ, разбросанныхъ черезполосно по общинному надѣлу. Разница сводилась къ тому, что они не участвовали въ круговой отвѣтственности по выкупнымъ платежамъ, и пространство выкупленной земли не подлежало измѣненію при передѣлахъ, равно какъ и мѣстоположеніе ея, хотя послѣднее не было общимъ правиломъ, и нерѣдко наблюдались случаи, когда крестьяне, выкупившіе надѣлы, довольствовались освобожденіемъ отъ круговой отвѣтственности по выкупному долгу и неизмѣнностью размѣра владѣнія, но не препятствовали передвиженію своихъ полосъ при передѣлахъ. Наряду съ этимъ, какъ то усматривается изъ данныхъ земско-статистическихъ обслѣдованій, крестьянамъ удавалось получить надѣлъ къ одному мѣсту или въ одинъ кусокъ въ каждомъ изъ сѣвооборотныхъ полей, для чего выдѣлявшіеся отказывались въ пользу міра отъ части надѣла или отъ права пользованія нѣкоторыми непахотными угодьями или, наконецъ, уплачивали міру въ той или иной формѣ извѣстное вознагражденіе.

Такимъ образомъ возвращеніе крестьянамъ того права, которымъ они пользовались по Положенію 19 Февраля 1861 года, вѣроятно привело бы къ тѣмъ же результатамъ, и въ большинствѣ случаевъ черезполосное общинное владѣніе замѣнилось бы черезполоснымъ подворнымъ. Весьма возможно, что съ точки зрѣнія сельскохозяйственной и это оказалось бы шагомъ впередъ; по крайней мѣрѣ многіе сельскохозяйственные комитеты признаютъ неустойчивость владѣнія совершенно самостоятельнымъ отрицательнымъ факторомъ, независимымъ отъ черезполосности; они находятъ, что черезполосное подворное владѣніе нашего Западнаго края и Малороссіи несравненно менѣе препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія, чѣмъ черезполосное общинное; къ тому-же, по ихъ мнѣнію, подобное подворное владѣніе отнюдь не фиксируетъ черезполосности, что и подтверждается приводимыми ими фактами возникшаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, среди этихъ подворныхъ владѣльцевъ, движенія къ хуторскому устройству, поэтому цѣлый рядъ комитетовъ ограничивается пожеланіемъ о возстановленіи 165 ст. Пол. Выкупного.

Нельзя, однако, не обратить вниманія, что, наряду съ этимъ, труды мѣстныхъ комитетовъ полны указаній на чрезвычайный вредъ крестьянскаго черезполоснаго владѣнія, и поэтому мнѣ кажется, что одно возстановленіе ст. 165 было бы мѣрой, не отвѣчающей вполнѣ насущнымъ нуждамъ нашего земледѣльческаго класса. Къ тому же при настоящихъ экономическихъ условіяхъ слѣдуетъ ожидать широкаго пользованія правомъ, предоставляемымъ этой статьей, вслѣдствіе чего надѣлъ оказался бы испещреннымъ владѣніями вышедшихъ изъ общины крестьянъ, и тѣмъ самымъ права остающихся, проистекающія изъ принадлежности къ общинѣ, были бы не только стѣснены, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сведены на нѣтъ.

По этимъ соображеніямъ мнѣ представляется, что законъ долженъ имѣть въ виду замѣну общиннаго землепользованія

болѣе совершеннымъ видомъ, чѣмъ черезполосное подворное, и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ оградить интересы остающихся въ общинѣ. При такой постановкѣ, вопросъ о свободномъ выходѣ отдѣльныхъ крестьянъ изъ общины не разрѣшается столь простой мѣрой, какъ возстановленіе 165 ст. Пол. Вык. Такъ какъ соотвѣтствующая мѣра должна имѣть цѣлью выдѣлъ надѣла для выходящаго изъ общины къ одному мѣсту, и такъ какъ подобный выдѣлъ связанъ съ переверсткой владѣнія прочихъ общинниковъ, то, казалось бы, нельзя предоставить право требовать выдѣла въ любое время, а только лишь при передѣлѣ. Конечно, во многихъ случаяхъ это будетъ jus nudum, ибо передѣлъ неизвѣстно когда будетъ и, быть можетъ, совершенно не послѣдуетъ, такъ какъ въ массѣ общинъ передѣлы прекратились, хотя возможность ихъ и слѣдовательно психологія неустойчивости владѣнія остались. Выходомъ изъ такого положенія могло бы быть предоставленіе права требовать выдѣла къ одному мѣсту, не ожидая передѣла, въ тѣхъ случаяхъ, когда такое желаніе заявлено значительною частью (треть, четверть) крестьянъ, участвующихъ въ общинномъ землепользованіи. Что касается способовъ осуществленія права, то казалось бы необходимымъ возложить на общину обязанность производить выдѣлъ при передѣлѣ, а въ случаѣ нежеланія—обязанность вознаградить выходящаго по взаимному соглашенію или, если оно не состоится, по оцѣнкѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда выходитъ значительная часть общинниковъ, и вознагражденіе оказалось бы непосильнымъ для остающихся, то способомъ осуществленія права могло бы быть судебное межеваніе, при условіи упрощенія его формальности, длительности и дороговизны. Но на такой принудительный порядокъ слѣдовало бы смотрѣть, какъ на мѣру исключительную, допускаемую лишь при значительномъ числѣ выдѣляющихся. Вообще же надлежитъ всячески облегчить возможность полюбов-

ныхъ соглашеній о выдѣлѣ, которыя, какъ указываетъ опытъ примѣненія 165 ст. Пол. Вык., достижимы при вознагражденіи міра выдѣляющимся, равно какъ при умѣломъ и безобидномъ для обѣихъ сторонъ составленіи проекта выдѣла въ натурѣ. По этимъ соображеніямъ, и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду, что выдѣлъ въ большинствѣ случаевъ потребуетъ расходовъ по перенесенію усадебной осѣдлости, было бы соотвѣтственно придти на помощь выдѣляющимся мѣрами правительственной и общественной помощи, въ ряду коихъ существенное значеніе имѣютъ платежныя льготы выдѣляющимся: желательно было бы, напр., не требовать погашенія выкупного долга, какъ это было установлено 165 ст. Пол. Вык., но напротивъ того, освобождать за извѣстное число лѣтъ отъ выкупныхъ платежей, совершенно слагая ихъ или перенося за срокъ окончательнаго погашенія долга. Путемъ такихъ льготъ, очевидно тѣмъ болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ шире онѣ возможны, вопросъ о выдѣлѣ во многихъ случаяхъ будетъ разрѣшаться полюбовно, что и внесетъ существенную поправку въ ограниченіе права требовать выдѣла, которое заключается въ пріуроченіи его ко времени передѣла.

Высказанное выше по поводу распространенія на крестьянъ общегражданскаго права и по вопросу объ общинѣ опредѣляетъ мой взглядъ и на слѣдующій вопросъ, поставленный въ приложеніи къ настоящей запискѣ, а именно на конструкцію имущественныхъ правъ на началѣ семейномъ или индивидуальномъ. По моему мнѣнію, принадлежность права на началѣ личномъ является условіемъ, безъ котораго немыслимо развитіе экономическаго благосостоянія нашего крестьянства, ибо поступательное движеніе матеріальной культуры основано на личной предпріимчивости, личной трудоспособности, личномъ умѣніи и личномъ расчетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальное начало вноситъ чрезвычайную ясность и опредѣленность въ частно-пра-

вовыя отношенія. Сущность-же семейнаго владѣнія заключается въ отрицаніи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ и въ принудительномъ удержаніи ихъ въ составѣ двора, какъ семейно-трудового союза. Подобнаго рода правовая конструкція могла-бы быть допустима въ условіяхъ примитивнаго экономическаго строя, но въ настоящее время она является серьезнѣйшимъ стѣсненіемъ для хозяйственной самодѣятельности и предпріимчивости и приноситъ только вредъ, о чемъ весьма доказательно свидѣтельствуютъ мѣстные Комитеты.

Несомнѣнно, что примитивный экономическій строй ослабляетъ значеніе личнаго начала. Когда земли вдоволь и она является даровой полезностью въ родѣ воды или воздуха, когда извлеченіе изъ нея выгодъ не требуетъ ни долговременныхъ затратъ, ни особаго умѣнія, ни сложнаго труда, когда дифференціація занятій мало развита, обрабатывающая промышленность и торговля въ зачаточномъ состояніи, и вся страна живетъ преимущественно натуральнымъ хозяйствомъ, тогда возможна принадлежность имущественныхъ правъ не отдѣльнымъ лицамъ, а патріархальнымъ союзамъ въ видѣ рода, общины, многосемейнаго двора, тѣмъ болѣе, что и гражданскій строй столь несовершененъ въ этотъ періодъ, что не въ силахъ обезпечить индивидуальную принадлежность права. Подобнаго рода патріархальныя организаціи, давно исчезнувшія въ другихъ странахъ, прекратили-бы свое существованіе и у насъ вполнѣ естественнымъ путемъ, но крѣпостное право и условія его ликвидаціи задержали этотъ процессъ до нашихъ дней: выше я уже указывалъ, что въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ коллективное владѣніе общиной и дворомъ имѣло несомнѣнный смыслъ, ибо тогда надѣльная земля въ большинствѣ случаевъ не была имущественной цѣнностью, а тягломъ, и все сводилось къ обезпеченію его общей отвѣтственностью трудовыхъ союзовъ.

Въ настоящее время всѣ указанныя условія безслѣдно миновали: натуральное хозяйство замѣнилось денежнымъ, надѣльная земля является далеко не единственнымъ источникомъ существованія нашего крестьянства, сильно развились отхожіе промыслы и расширилась область неземледѣльческаго труда, земельное «утѣсненіе» всюду чувствуется, жить экстенсивнымъ хозяйствомъ почти невозможно, необходимы затраты и болѣе умѣлый трудъ для усиленія производительныхъ силъ земли, рентабельность ея сильно возрасла, и крестьянскій надѣлъ представляетъ уже цѣнное имущество, а не тягло,—вообще установился тотъ экономическій строй, въ которомъ личное начало пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. При такихъ условіяхъ правовая конструкція, отрицающая индивидуальную принадлежность правъ и принудительно удерживающая отдѣльныхъ лицъ въ составѣ двора, парализуетъ основной двигатель современной экономической жизни и вноситъ чрезвычайную неопредѣленность и спорность въ частно-правовыя отношенія, которыя силой вещей складываются на началѣ личномъ.

Практическіе результаты такой правовой конструкціи, устанавливающей взаимную имущественную зависимость и никому не отграничивающей опредѣленнаго права, подробно указаны мѣстными комитетами. Ихъ сужденія резюмируются утвержденіемъ, что семейное владѣніе ослабляетъ побудительные мотивы къ улучшенію хозяйства какъ у домохозяина, такъ и у прочихъ членовъ двора, вызываетъ неразрѣшимые правовые конфликты и всевозможныя злоупотребленія, порождаетъ постоянные споры и вражду въ семейномъ союзѣ, расшатываетъ его и является только лишней причиной семейныхъ раздѣловъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю, что навязывать крестьянству семейное владѣніе и лишать его личныхъ имущественныхъ правъ, на коихъ зиждется гражданское право всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, это — закрывать

глаза на современныя нужды и потребности и жить воспоминаніями патріархальнаго прошлаго.

Конечно, я не отрицаю, что такое отношеніе къ крестьянамъ исходитъ изъ весьма благожелательнаго для нихъ идеала сильной многорабочей семьи, обладающей всѣми положительными свойствами кооперативныхъ организацій. Ради этой цѣли и признается полезнымъ отвергать личное начало въ имущественномъ правѣ и всячески препятствовать раздѣлу двора на отдѣльныя хозяйства. Однако основная ошибка этого взгляда, повидимому, заключается въ томъ же смѣшеніи началъ первобытнаго экономическаго строя и высококультурнаго, на которое я уже указывалъ по вопросу объ общинѣ. Многочисленныя сложныя семьи, превышающія обычный въ наше время союзъ родителей и дѣтей, это—явленіе, присущее первичной экономической стадіи, и кооперативные союзы развиваются не на этой почвѣ, а въ условіяхъ индивидуализированнаго имущественнаго права. Между тѣмъ разсматриваемый взглядъ не считается съ экономической эволюціей и признаетъ возможнымъ замѣнить ее, для блага крестьянъ, принужденіемъ. Но послѣднее, по весьма правильному выраженію мѣстныхъ комитетовъ, является врагомъ всякихъ хозяйственныхъ ассоціацій, и онѣ могутъ возникать и успѣшно дѣйствовать только на свободныхъ началахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобное принужденіе крестьянъ, имѣющее цѣлью ихъ матеріальное благополучіе, совершенно игнорируетъ то обстоятельство, что крестьяне не только рабочая сила, которую полезно объединять для экономизаціи и продуктивности труда, но и живые люди, которымъ, какъ и всѣмъ намъ, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности и неприкосновенности домашняго очага. Эти именно начала болѣе другихъ обезпечиваютъ энергію и производительность труда, и, по моему мнѣнію, малая семья, объединенная дружнымъ искренно-родственнымъ чувствомъ, поведетъ свое хозяйство

неизмѣримо успѣшнѣй, чѣмъ большая, состоящая изъ нѣсколькихъ брачныхъ паръ, принудительно удерживаемыхъ въ одномъ хозяйствѣ. Вѣдь это-же фактъ общеизвѣстный, подтвержденный лишній разъ компетентнымъ мнѣніемъ мѣстныхъ комитетовъ, что принудительные семейные союзы крестьянъ представляютъ обыкновенно ничто иное, какъ домашній адъ, и что подобныя «кооперації» не только не приносятъ пользы, но совершенно разстраиваютъ общее хозяйство.

Тонкій знатокъ крестьянскаго дѣла Н. Х. Бунге, неуклонно возстававшій противъ правовыхъ стѣсненій крестьянъ, основанныхъ на соображеніяхъ экономической идеологіи, привелъ весьма характерныя данныя, свидѣтельствующія, что мѣстности, въ коихъ наиболѣе развиты семейные раздѣлы, оказываются въ ряду наиболѣе исправныхъ въ податномъ отношеніи. Обстоятельство это относится къ тому времени, когда графъ Толстой представилъ Государственному Совѣту выработанныя имъ мѣры къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ, и оно послужило поводомъ къ возвращенію этого проекта, впослѣдствіи вновь внесеннаго и на этотъ разъ проведеннаго настойчивостью графа Толстого *).

Отказавшись отъ развитія экономическаго благополучія крестьянъ мѣрами принудительными, препятствующими индивидуализаціи имущественнаго права и семейнымъ раздѣламъ, и распространивъ на крестьянъ общегражданскія начала, мы получимъ именно ту правовую обстановку, которая даетъ необходимый просторъ для самодѣятельности и обезпечиваетъ результаты труда точными правовыми границами взамѣнъ сложной принудительной регламентаціи, не дающей въ концѣ концовъ отвѣта, гдѣ мое право и гдѣ чужое.

*) Дѣло Деп. Законовъ 1884 г. № 130, Журналъ Соед. Деп. 24 Ноября 1884 г. № 130.

Мой взглядъ на послѣдній принципіальный вопросъ, а именно о выходѣ изъ крестьянскихъ обществъ, равнымъ образомъ опредѣляется изложенными выше соображеніями о необходимости стремиться къ распространенію на крестьянъ общегражданскаго права. Этимъ путемъ будетъ устранено основное стѣсненіе къ увольненію изъ общества, обусловленное непризнаніемъ личнаго права распоряженія надѣльнымъ имуществомъ и отсутствіемъ законныхъ способовъ укрѣпленія правъ на надѣльную недвижимость при отчужденіи. Выше я уже касался этого вопроса нѣсколько подробнѣй и указывалъ, что при существующемъ порядкѣ крестьянинъ встрѣчаетъ столь серьезныя затрудненія къ ликвидаціи своего надѣльнаго имущества, что устанавливается какъ бы абсолютная его замкнутость: продажа его въ крестьянскія же руки, даже своему односельцу, неосуществима въ законномъ порядкѣ, а только въ «обычномъ», который требуетъ отяготительныхъ накладныхъ расходовъ въ пользу міра и сельскихъ властей и выражается въ такихъ способахъ укрѣпленія правъ, которыя не имѣютъ никакой юридической силы и вызываютъ только тяжбы и злоупотребленія. Подобный порядокъ или, вѣрнѣе сказать, отсутствіе его находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ современнымъ экономическимъ бытомъ нашего крестьянства, о чемъ весьма показательно свидѣтельствуютъ труды мѣстныхъ комитетовъ.

Распространеніе общегражданскихъ правъ внесетъ въ эту область необходимую закономѣрность, при чемъ начала эти отнюдь не исключаютъ возможности примѣнить извѣстныя мѣры для охраны мелкой земельной собственности, въ видѣ сословной ея замкнутости, неотвѣтственности по долгамъ собственника и даже предѣльной нормы сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ укрѣпленія правъ на недвижимость долженъ быть, по моему мнѣнію, приближенъ къ сельскому населенію и удешевленъ.

Конечно, право распоряженія въ общегражданскомъ порядкѣ можетъ быть предоставлено въ отношеніи подворныхъ и усадебныхъ земель, но не доли участія въ общинномъ владѣніи; относительно этого имущества казалось бы необходимымъ обязать общество вознаграждать выходящаго, а при отказѣ—предоставить послѣднему право сдать надѣлъ въ аренду однообщественнику на срокъ до передѣла, независимо отъ согласія міра.

Всѣ прочія стѣсненія къ выходу изъ общества и временнымъ отлучкамъ основаны главнымъ образомъ на соображеніяхъ фискальной пользы; въ свое время они имѣли весьма серьезное значеніе, въ виду круговой поруки и высокой выкупной задолженности надѣла, не отвѣчавшей его дѣйствительной стоимости. Обѣ эти причины нынѣ отпали, и сохранять проистекающія отсюда стѣсненія, конечно, нѣтъ основанія. Поэтому выходъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ изъ общества и временныя отлучки по паспортамъ должны быть поставлены внѣ всякой зависимости отъ согласія міра, сельскихъ властей, домохозяина и родителей, какъ въ настоящее время. Согласіе послѣднихъ, т. е. домохозяина и родителей, требуется, не только по мотивамъ податного характера, но и въ виду семейнаго начала, на которомъ признается полезнымъ конструировать крестьянскія имущественныя права. Я уже высказался по этому вопросу; добавлю только, что при общегражданскомъ правѣ, основанномъ на началѣ личномъ, дѣти будутъ въ полной имущественной зависимости отъ отца, чѣмъ весьма сильно скрѣпляется союзъ родителей и дѣтей и устраняется необходимость личной зависимости совершеннолѣтнихъ, допускаемой вообще только самымъ первобытнымъ гражданскимъ строемъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда во главѣ крестьянскаго двора стоитъ боковой родственникъ, то по гражданскому праву это владѣніе будетъ признано общимъ съ правомъ выдѣла наслѣдственныхъ частей, иначе говоря добро-

вольнымъ хозяйственнымъ союзомъ сонаслѣдниковъ; этотъ добровольный характеръ, по моему мнѣнію, обезпечитъ общіе имущественные интересы и успѣхъ общаго хозяйства гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ правовая зависимость, имущественная и личная, отъ домохозяина—бокового родственника: по признаніи мѣстныхъ комитетовъ, она является только источникомъ злоупотребленій со стороны домохозяина, пекущагося объ интересахъ своихъ дѣтей въ явный ущербъ прочимъ членамъ двора, и служитъ лишнимъ поводомъ къ распаденію такихъ сложныхъ семействъ. Такимъ образомъ, съ моей точки зрѣнія, личная зависимость совершеннолѣтнихъ, подобно прочимъ стѣсненіямъ къ увольненію и къ временнымъ отлучкамъ изъ общества, не обусловлена дѣйствительной необходимостью, и крестьянамъ желательно предоставить свободу передвиженія и труда въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и прочимъ сословіямъ.

Все вышеизложенное по крестьянскому вопросу я резюмирую въ томъ видѣ, что конечною цѣлью работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ должно быть устраненіе обособленности ихъ отъ прочихъ сословій въ тѣхъ областяхъ права, гдѣ сохраненіе сословныхъ отличій не обусловлено дѣйствительной пользой и потребностями времени. Такимъ образомъ результатомъ этой работы должно быть приближеніе крестьянскаго правопорядка къ общему и, наряду съ этимъ, сохраненіе тѣхъ особенностей сословнаго строя, которыя необходимы для пользы самого крестьянства и всего государства. Въ ряду этихъ особенностей я представляю себѣ сословные союзы для завѣдыванія надѣльными землями, состоящими въ общинномъ и общемъ владѣніи; сословную замкнутость надѣльныхъ земель и неотвѣтственность ихъ по долгамъ владѣльцевъ; особый, доступный для крестьянъ порядокъ размежеванія и судебно-межевого разбирательства; особое охранительное судопро-

изводство и нотаріальный порядокъ, имѣющіе цѣлью обезпечить крестьянамъ укрѣпленіе правъ на надѣльную недвижимость; сословную организацію поземельнаго кредита въ видѣ Крестьянскаго Банка; сословный порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель; сословныя особенности въ порядкѣ арендованія казенныхъ земель и въ договорныхъ отношеніяхъ съ казной; наконецъ, нѣкоторыя сословныя отличія по государственной службѣ. Даже этотъ перечень, сдѣланный въ общихъ чертахъ, даетъ весьма содержательный объемъ сословному строю, который, необходимо сохранить, но, наряду съ этимъ, предстоитъ устранить ту правовую обособленность въ матеріальномъ гражданскомъ и уголовномъ правѣ и въ порядкѣ низшаго управленія и суда, которая по признаніи мѣстныхъ комитетовъ совершенно не отвѣчаетъ современнымъ условіямъ и приноситъ только вредъ и крестьянству, и всей странѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я нахожу, что работа, которая имѣла бы въ виду иную цѣль, а именно развитіе сословной обособленности крестьянъ,—которая расширяла бы, напримѣръ, компетенцію чисто сословнаго суда и управленія и стремилась бы нормировать частно-правовыя отношенія крестьянъ и уголовную ихъ отвѣтственность въ иномъ порядкѣ, инымъ положительнымъ правомъ, чѣмъ существующее для прочихъ сословій,—всякая такая работа, по моему убѣжденію, не отвѣчала бы дѣйствительнымъ нуждамъ страны, указаннымъ мѣстными комитетами, противорѣчила бы основнымъ началамъ той освободительной реформы, которая устранила наиболѣе серьезныя правовыя отличія крестьянъ отъ прочихъ сословій, и тѣмъ самымъ оказалась бы несогласованной съ предуказаніями Его Императорскаго Величества.

Предсѣдатель Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,

Статсъ-Секретарь *С. Витте.*

Статьи Положеній 19 Февраля 1861 г., *перваго изданія*, цитируемыя въ запискѣ.

Общее Положеніе.

19. Крестьяне и общественныя ихъ учрежденія подчиняются общимъ губернскимъ и уѣзднымъ управленіямъ.

21. На крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. На семъ основаніи, для вступленія крестьянъ въ бракъ и распоряженія въ ихъ семейственныхъ дѣлахъ, не требуется дозволенія помѣщиковъ.

Примѣчаніе. Попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтныхъ сиротъ возлагается на обязанность сельскихъ обществъ. Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ, крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями. Если бы въ распоряженіяхъ міра родственники малолѣтнаго усмотрѣли что-либо клонящееся къ его ущербу, то они могутъ обращаться къ защитѣ мирового посредника.

22. Крестьяне, какъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами, могутъ входить, на основаніи общихъ постановленій, во всякіе, закономъ дозволенные, договоры, обязательства и подряды.

33. Каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для свободныхъ сельскихъ обывателей.

34. Сельское общество можетъ также, на основаніи общихъ законовъ, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества. Землями, пріобрѣтенными въ собственность, независимо отъ своего надѣла, общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію,

раздѣлять ихъ между домохозяевами и предоставлять каждому участокъ въ частную собственность или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ.

35. Право на участіе въ общемъ владѣніи собственностью, пріобрѣтенною обществомъ, каждый крестьянинъ, отдѣльно, можетъ уступить постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія міра.

36. Каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію, или по оцѣнкѣ.

Примѣчаніе. Разборъ могущихъ возникать въ сихъ случаяхъ споровъ предоставляется Уѣздному Мировому Съѣзду.

37. Пріобрѣтенными въ собственность, на основаніи сего Положенія, землями крестьянскаго надѣла и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются, какъ своимъ достояніемъ, на правилахъ, изложенныхъ въ предъидущихъ статьяхъ (33, 34, 35 и 36), съ соблюденіемъ тѣхъ условій, на основаніи коихъ усадьбы и земли пріобрѣтены, и во всякомъ случаѣ съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ, со времени утвержденія сего Положенія, означенныя земли не могутъ быть отчуждаемы, или закладываемы постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу; но переуступка и отдача въ залогъ такихъ земель членамъ того же сельскаго общества не воспрещается.

Примѣчаніе. О порядкѣ пользованія и распоряженія землями крестьянскаго надѣла, которыя будутъ пріобрѣтены крестьянами въ собственность, съ пособіемъ отъ Правительства, излагаются подробныя правила въ Положеніи о выкупѣ крестьянами усадебной осѣдлости и о содѣйствіи Правительства къ пріобрѣтенію ими въ собственность полевыхъ угодій.

38. Въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями.

Положеніе о выкупѣ.

159. Правила, изложенныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, относятся до земель, по коимъ выкупная ссуда еще не уплачена. По уплатѣ сей ссуды, распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣ-

постной зависимости, въ отношеніи земель, пріобрѣтенныхъ сими крестьянами въ собственность.

160. Когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами. Какъ первоначальная разверстка земли, такъ и всякіе послѣдующіе передѣлы оной между крестьянами, допускаются не иначе, какъ по приговору, утвержденному, по крайней мѣрѣ, двумя третями общаго числа всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

161. Въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ со времени утвержденія сего Положенія общество не можетъ отчуждать пріобрѣтенныхъ имъ въ собственность земель.

162. По истеченіи девяти лѣтъ, но до уплаты выкупной ссуды, общество можетъ отчуждать пріобрѣтенныя имъ земли, подъ которыя выдана сія ссуда, не иначе, какъ съ разрѣшенія Губернскаго Присутствія и со взносомъ вырученныхъ за проданныя земли денегъ въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга.

163. По согласію двухъ третей голосовъ на сходѣ, общество можетъ раздѣлить пріобрѣтенныя земли на подворные участки; но если выкупная ссуда еще не уплачена, то приговоръ о раздѣлѣ долженъ быть засвидѣтельствованъ Мировымъ Посредникомъ, который копію съ приговора представляетъ въ Губернское Присутствіе, для свѣдѣнія и для утвержденія сдѣланнаго обществомъ распредѣленія выкупныхъ платежей между домохозяевами.

Примѣчаніе. При раздѣлѣ земли на подворные участки, сумма выкупныхъ платежей, лежавшая на всемъ обществѣ, распредѣляется сельскимъ обществомъ между домохозяевами, по величинѣ подворныхъ участковъ.

164. Право на участіе въ общемъ владѣніи пріобрѣтенною обществомъ землею каждый отдѣльный крестьянинъ можетъ уступить постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія міра.

165. До уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ Уѣздное Казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтен-

ною имъ частію земли въ составѣ мірскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей.

166. Участки, пріобрѣтенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждаго, и переходятъ по наслѣдству, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ.

167. До погашенія выкупной ссуды, подворные участки, пріобрѣтенные отдѣльными домохозяевами, не могутъ быть раздробляемы при переходѣ по наслѣдству, отчужденіи, или другимъ какимъ бы то ни было образомъ.

Примѣчаніе. Впрочемъ, по особому ходатайству владѣльцевъ участковъ, губернское выкупное учрежденіе можетъ разрѣшать раздѣлы обширныхъ участковъ, если отъ того не уменьшится обезпеченіе казны въ исправномъ поступленіи выкупныхъ платежей.

168. Въ случаѣ неимѣнія у умершаго крестьянина-собственника наслѣдниковъ, принадлежавшій ему участокъ, какъ имущество вымороченное, обращается въ собственность того сельскаго общества, въ предѣлахъ коего участокъ сей находится.

169. Участки, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами въ личную собственность, могутъ быть отчуждаемы съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

1) въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ, со времени утвержденія сего Положенія, каждый таковой участокъ можетъ быть проданъ только одному изъ членовъ того же сельскаго общества (какъ прежнихъ, такъ и вновь вступающихъ въ оное), съ тѣмъ притомъ, чтобы, съ покупкою участка, пріобрѣтатель принималъ на себя всѣ обязательства по уплатѣ выкупной ссуды и

2) по истеченіи первыхъ девяти лѣтъ, пріобрѣтенный участокъ можетъ быть проданъ и постороннему лицу, если только сіе послѣднее уплатитъ весь числящійся на участкѣ долгъ по выкупной ссудѣ.

170. До погашенія выкупной ссуды, пріобрѣтенная сельскимъ обществомъ или отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ земля не можетъ быть представлена въ залогъ, ни для полученія ссуды изъ кредитнаго установленія, ни по обязательствамъ съ казною или частными лицами.

171. Никакою частною сдѣлкою крестьянъ и крестьянскихъ обществъ по отдачѣ въ наемъ выкупленныхъ ими земель, или по другимъ обязательствамъ, не стѣсняется право Правительства обращать законное взысканіе на сіи земли, въ случаѣ неисправности во взносѣ выкупныхъ платежей, и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, общими законами и Положеніями о крестьянахъ, такое взысканіе допускается.

